

М О Н Г О Л І Я.

(Экономическій очеркъ).

Въ центральной части Азіи расположена громадная страна, находящаяся въ политической зависимости отъ Китая и извѣстная подъ именемъ Монголіи.

Поверх-
ность
страны.

Границы ея проходятъ на западѣ и сѣверѣ съ Россіей, начиная отъ вершины горы Канасъ и далѣе съ губерніями: Томской, Енисейской, Иркутской и Забайкальской областью, вплоть до Абагайтуевского караула,—всего, слѣдовательно, на протяженіи 3,000 верстѣ. На востокѣ она граничитъ съ Маньчжуріей, начиная отъ озера Таргунъ и идя на югъ, мимо озеръ Кулунъ, Баиръ, городовъ Цицикара, Чанъ-Чуна и вплоть до хребта Инъ-Шань. На югѣ отдѣляется Великой стѣной отъ Чжилійской, Шанъ-Сиской, Шэнъ-Сиской и Ганъ-Суской провинцій собственнаго Китая. Отъ Цзя-Юй-Гани граница идетъ въ юго-западномъ направленіи къ горѣ Канасъ, отдѣляя такимъ образомъ Монголію отъ собственно Китая.

Площадь Монголіи опредѣляется приблизительно въ 3.300,000 квадратныхъ верстѣ и представляетъ изъ себя плоскогоріе, значительно поднятое надъ уровнемъ моря. По устройству поверхности и орошенію, а вслѣдствіе этого и по климату, флорѣ и фаунѣ Монголію можно раздѣлить на три совершенно различныхъ части.

Сѣверо-западная часть ея, прилегающая къ русскимъ владѣніямъ, представляетъ изъ себя рядъ горныхъ цѣпей, идущихъ почти параллельно одинъ другому; нѣкоторыя изъ нихъ на 1,000 верстѣ протянулись вглубь Сибири; эта часть извѣстна подъ именемъ Халхи, и изученію ея были главнымъ образомъ посвящены работы экспедиціи, захватившей отчасти и рядомъ лежащую среднюю полосу Монголіи — пустыню Гоби или Шамо.

Эта вторая часть Монголіи представляетъ изъ себя огромную пустыню, протяженіе которой считается до 500 верстѣ; на южной и

юго-восточной границѣ этой пустыни тянутся цѣпи высокихъ горъ Хинь-Ганга и Инь-Шаня, отдѣляя пустыню отъ третьей, самой лучшей части Монголіи, расположенной въ юго-восточномъ углу ея и извѣстнымъ подъ именемъ страны Чахарь. Здѣсь сосредоточены наиболѣе плодородныя земли, а потому сильно развито земледѣліе и быстро идетъ китайская колонизація.

Сѣверо-западная Монголія представляетъ изъ себя какъ бы продолженіе горнаго узла, начавшагося въ Россіи, въ Томской губерніи. Наиболѣе высокія и мощныя горы идутъ по южной ея части, начинаясь отъ пограничной горы Канась и простираясь на юго-востокъ, на протяженіи свыше 1,500 верстъ; онѣ носятъ названіе Монгольскаго Алтая и являются прямымъ продолженіемъ Алтайскихъ горъ, проходящихъ въ Томской губерніи. Общая высота ихъ около Кобдо достигаетъ 3,205 метровъ. Алтай имѣетъ много отроговъ, извѣстныхъ подъ разными названіями.

Отъ горы Канась къ сѣверу идетъ по границѣ съ Россіей хребетъ Сайлюгэмъ, переходящій въ Саянскій. Этотъ послѣдній, начинаясь отъ озера Джувлукуль, идетъ по границѣ съ Енисейской и Иркутской губерніями, вплоть до озера Косоколь, далѣе котораго начинаются многочисленные отроги горъ Кентея, носящіе здѣсь различныя названія.

Между Монгольскимъ Алтаемъ и Саянскимъ хребтомъ идутъ нѣсколько параллельныхъ цѣпей, начинающихся на границѣ съ Россіей у хребта Сайлюгэнъ и протягивающихся вплоть до Восточной Монголіи, гдѣ онѣ опять соединяются съ отрогами хребта Кентей. Цѣпь горъ, идущая параллельно Монгольскому Алтаю, состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ хребтовъ, носящихъ названія горъ Хара-Аргаланту, Дурульджи, Дурдулунъ, Шире-Уланъ, Хасакту, Хаирхонъ и Тайширь-Ола; послѣдніе отроги этихъ горъ теряются уже въ пескахъ Гоби. Слѣдующая параллельно идущая цѣпь горъ носитъ названіе Хангай; онѣ начинаются у озера Убса и, простираясь на востокъ болѣе чѣмъ на 900 верстъ, даютъ много развѣтвленій подъ именемъ горъ: Тарбагатая, Гичигина, Шивартай, Телліанъ-Цаганъ, Уха-Чолутей, Бугунъ-Шара и пр. Послѣдніе отроги ихъ тоже теряются въ пескахъ Гоби. Хангай очень высокъ и покрытъ большими ледниками. Ледъ на встрѣчающихся въ Хангаѣ рѣчкахъ въ іюнѣ все еще не вполне растаиваетъ.

Къ сѣверу отъ Хангая, параллельно ему, идетъ хребетъ Танну-Ола, который, начинаясь у озера Длувлукуй, тянется на востокъ на протяженіи 550 верстъ, принимая у средняго теченія Селенги названіе Хантай-Ула, и черезъ горный узелъ Мунку-Сардыкъ направляется на

сѣверо-востокъ, переходя въ Тункинскіе гольцы. Высота горъ сравнительно небольшая, такъ какъ онѣ нигдѣ не достигаютъ снѣговой линіи. Но онѣ имѣютъ чрезвычайно важное орографическое значеніе, служа водораздѣломъ между бассейнами озера Убса и Енисея, а, кромѣ того, рѣзко отграничивая флору и фауну сѣверной части этого района отъ южной. Онѣ имѣютъ много отроговъ, которыми къ сѣверу соединяются съ Саянскими горами.

Въ восточной части Халхи центральнымъ узломъ служитъ горный массивъ Кентей, являющійся водораздѣломъ рѣкъ Иро и Харагола. Отъ него во всѣ стороны идутъ горные кряжи, изъ которыхъ наиболѣе крупнымъ является Яблоновый хребетъ, начинающійся между истоками рѣки Онона и Мензы и уходящій на сѣверъ, далеко вглубь русскихъ владѣній. Ширина хребта въ среднемъ пять—семь географическихъ миль, но въ болѣе широкихъ мѣстахъ доходитъ до девяти миль. На югъ спускается хребетъ Алтанъ-Улугуй, отдѣляющій Халху отъ Восточной Монголіи и цѣлый рядъ болѣе мелкихъ отроговъ, изъ которыхъ Гунту окружаетъ Ургинскую долину и въ свою очередь раздѣляется около Урги на нѣсколько хребтовъ: Бурлынъ-Аба, Бохукъ, Гангынъ-Даба, Дзэгиль и др. Изъ западныхъ отроговъ наиболѣе высокимъ является Манхабай, сливающійся съ горами верховьевъ рѣкъ Селенги и Орхона. Почти всѣ эти отроги, какъ и самъ Кентей, не особенно высоки и не достигаютъ линіи вѣчнаго снѣга.

Что касается пустыни Гоби, черезъ которую экспедиціи приходилось переѣзжать, то она представляетъ собою высокое плоскогоріе, похожее на большую горную долину, ограниченную горами Кентеемъ, Хинганомъ, Иншанемъ и Монгольскимъ Алтаемъ; края Гоби болѣе возвышенны, чѣмъ центръ; посрединѣ, главнымъ образомъ въ сѣверной части, проходитъ нѣсколько невысокихъ кряжей горъ, образуя мѣстами цѣлыя группы и поднимаясь надъ окружающею мѣстностью всего на 150—200 метровъ.

Въ сѣверо-западной части Монголіи берутъ свое начало двѣ большія рѣки: Енисей и Селенга. Енисей въ предѣлахъ Монголіи носитъ два различныхъ имени: въ верхнемъ теченіи называется Хуа-Кемъ, а затѣмъ Улукемъ; болѣе крупные его притоки: справа—Бейкемъ, вытекающій изъ Саянскихъ горъ, и слѣва—Кемчикъ, берущій начало въ Монгольскомъ Алтаѣ. Въ верхнемъ теченіи своемъ Енисей (Хуа-Кемъ) очень стѣсненъ отвѣсными скалами и имѣетъ чрезвычайно узкую долину. Селенга вытекаетъ изъ сѣвернаго склона Хангая и образуется изъ трехъ рѣкъ: Эдеръ, Буксуй и Тельгиръ-Муринъ. Въ предѣлахъ

Орошеніе.

Монголіи протекаетъ на пространствѣ болѣе 1,000 верстѣ; наиболѣе крупными притоками ея въ сѣверо-западной Монголіи являются: слѣва—Эгинь-Голь, и справа—Орхонъ, вытекающій съ сѣвернаго склона Хангая, съ притокомъ Тола, на которомъ стоитъ Урга, Хараголъ и Иро, вытекающая изъ Кентея. Почти на всемъ своемъ протяженіи Селенга окаймлена хребтами, спускающимися прямо къ водѣ или обрывающимися въ рѣку крутыми скалистыми мысами. Каменистые склоны береговыхъ горъ изрѣзаны узкими долинами рѣкъ, впадающихъ въ Селенгу. Въ общемъ правый берегъ болѣе крутъ, чѣмъ лѣвый; на послѣднемъ встрѣчается довольно много пологихъ мѣстъ, удобныхъ для хлѣбопашества и покрытыхъ тучными пастбищами; ширина рѣки отъ 175 до 500 саж., средній уклонъ—0,13—0,17 саж. на высоту, при скорости теченія 4—6 верстѣ въ часъ. Большой частью Селенга течетъ однимъ русломъ, имѣя твердое, каменистое дно; но встрѣчаются мѣста, гдѣ она разбивается на нѣсколько руслъ и образуетъ около себя цѣлую сѣть озеръ и болотъ. Долины перечисленныхъ рѣкъ имѣютъ лишь небольшія луговыя поймы отъ $\frac{1}{2}$ до 12 верстѣ, при чемъ встрѣчаются онѣ только мѣстами. Верховья же рѣкъ менѣе стѣснены горами, почему являются самыми доступными для сельскаго хозяйства. Затѣмъ, хотя самыя долины не отличаются шириной, но зато окружающія ихъ возвышенности довольно пологи и вполне пригодны для сельско-хозяйственной культуры ¹⁾.

Что касается рѣкъ внутренняго бассейна, то онѣ почти всѣ небольшія и впадаютъ въ горькія или горько-соленыя озера или же просто теряются въ болотахъ и пескахъ.

Наиболѣе значительныя изъ нихъ слѣдующія: Тесъ, имѣющая цѣлую сѣть притоковъ съ правой стороны вмѣстѣ съ солеными озерами, берущая свои воды главнымъ образомъ въ горахъ Танну-Ола и изливающая ихъ въ озеро Убса; затѣмъ рѣка Кобдо, впадающая въ озеро Хара-Нуръ, и рѣка Дзапхынъ; послѣдняя имѣетъ съ правой стороны притокъ Улясутай, а съ лѣвой — Шотханъ-Тэлли и впадаетъ въ озеро Айракъ-Нуръ. Затѣмъ рѣка Наринъ, впадающая въ озеро Убса; Кунгуй — притокъ Айракъ-Нура и Байдарикъ, — впадающая въ озеро Таганъ. Изъ озеръ наиболѣе крупнымъ является прѣсное озеро Косоголь, имѣющее 120 верстѣ длины и 130 верстѣ ширины. Изъ него беретъ начало притокъ Селенги — Эгинь-Голь. Затѣмъ въ самомъ сѣверо-западномъ углу Монголіи находится озеро Убса-Нуръ, въ 54 вер.

¹⁾ Въ 1909 году пароходъ по Селенгѣ проходилъ до впаденія рѣки Иро въ Селенгу. Выше устья Орхона пароходъ можетъ подниматься на 50 верстѣ.

Рѣка Селенга.

Переправа черезъ р. Тола, притокъ Селенги.

ширины и 58 верстъ длины, съ многочисленными, но небольшими притоками; вода въ немъ горько-соленая, берега песчаные и пологіе. Къ востоку отъ нихъ расположена группа озеръ, изъ которыхъ болѣе крупными являются: Киргизъ-Нуръ, имѣющее болѣе 100 верстъ въ окружности, и Айракъ-Нуръ (45 верстъ въ окружности). Въ первомъ озерѣ вода соленая, во второмъ — прѣсная; къ югу отъ нихъ лежатъ озера—прѣсное Хара-Усу и соленое Дургануръ—соединяющіяся между собою протоками.

Что касается небольшихъ озеръ, въ 8—10 верстъ, то таковыя въ сѣверо-западной части Монголіи встрѣчаются въ изобиліи. Большая часть изъ нихъ представляетъ собою болѣе или менѣе глубокія впадины, въ которыя собирается вода съ окрестныхъ нагорій; каждое изъ этихъ озеръ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не только измѣняетъ свои формы, размѣры и вкусъ воды, но можетъ совершенно исчезнуть или снова появиться. Причиной такого явленія служитъ то, что въ Монголіи сухіе годы періодически чередуются съ влажными: въ сухіе годы на горахъ меньше выпадаетъ снѣга, почему ледники сокращаются, а въ рѣкахъ и озерахъ замѣчается уменьшеніе количества воды. Наоборотъ, въ періодъ влажности осадковъ много, ледники быстро растутъ, и вода въ рѣкахъ и озерахъ прибываетъ. Такое чередованіе сухихъ годовъ съ влажными послужило причиной созданія теоріи о постепенномъ усыханіи Монголіи.

Климатъ Монголіи изученъ и изучается мало. Въ монгольскихъ Климатъ. городахъ ни монголы, ни китайцы метеорологическихъ станцій не имѣютъ. Въ Ургѣ при русскомъ консульствѣ устроена метеорологическая станція, но наблюдений въ ней во время нашего пребыванія по неизвѣстнымъ причинамъ не производилось.

Въ своей сѣверо-западной части Монголія является страной горной, раздѣленной на множество долинъ. Но въ силу того, что горные хребты не такъ высоки, чтобы служить защитой отъ вѣтровъ, климатъ различныхъ долинъ сходенъ между собою и не отличается разнообразіемъ. Охарактеризовать его можно „строго континентальнымъ“.

Наиболѣе характерной его особенностью является чрезвычайная сухость воздуха и большія колебанія температуры не только по временамъ года, но даже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Такъ, 1 іюня 1910 года при переправѣ экспедиціи черезъ рѣку Иро въ два часа дня термометръ показывалъ 42,3 С. при облачности 10, между тѣмъ какъ предыдущей ночью было лишь 1,8 тепла.

Районъ этотъ подвергнутъ главнымъ образомъ вліянію сѣверныхъ,

сѣверо-западныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ. Сѣверные вѣтры, дующіе съ сѣвернаго моря, приносятъ съ собою немного влаги; но, будучи задерживаемы на пути горными хребтами, идущими съ запада на востокъ, осаждаютъ свою влагу только лишь на сѣверныхъ склонахъ этихъ горъ, тогда какъ южные ея совершенно не получаютъ. Справедливость сказаннаго подтверждается тѣмъ характернымъ явленіемъ, что дѣйствительно почти всѣ встрѣчавшіеся на пути экспедиціи горные кряжи и возвышенности были покрыты лѣсами лишь съ сѣверной стороны, между тѣмъ какъ южные стояли оголенные, имѣя кое-гдѣ жалкую растительность. Что касается сѣверо-западныхъ вѣтровъ, дующихъ главнымъ образомъ зимою, то, будучи по происхожденію своему сухими и холодными и оставляя послѣднюю свою влагу на пограничныхъ поперечныхъ хребтахъ Русскаго Алтая, Сайлюгема и отчасти Саянскаго хребта, вступаютъ въ Монголію совершенно сухими и, не встрѣчая болѣе на пути своемъ поперечныхъ горныхъ преградъ, несутся въ такомъ видѣ по западной части Монголіи вплоть до ея восточной, гдѣ запутываются въ горномъ узлѣ Кентей, съ его многочисленными отрогами. Съ другой стороны юго-восточные вѣтры, будучи по происхожденію теплыми и очень влажными, дойдя до высокихъ отроговъ Хингана, хребтовъ Алашаня и Наньшаня, оставляютъ на нихъ всю свою влагу и, проносясь ураганомъ надъ пустыней Гоби, врываются въ предѣлы Халхи сухими и настолько жаркими, что на пути своемъ высушиваютъ всю растительность и причиняютъ большія мученія какъ животнымъ, такъ и людямъ. Если же этотъ вѣтеръ и нагонитъ иногда тучи, то онѣ проносятся такъ быстро, что лишь нѣсколько капель успѣваютъ упасть на поля и низины, а большая часть ихъ осаждается на вершинахъ горъ, образуя ледники.

Такое положеніе вещей, въ связи съ сильнымъ нагрѣваніемъ почвы и высокой температурой при малой относительной влажности, является причиной чрезвычайно небольшого количества выпадающихъ здѣсь осадковъ, при чемъ въ выпаденіи ихъ наблюдается нѣкоторая періодичность. Такъ, по свидѣтельству Воейкова, количество осадковъ въ этой области стало уменьшаться съ конца 30-хъ годовъ вплоть до конца 60-хъ прошлаго столѣтія (XIX), а затѣмъ снова стало увеличиваться и достигло прежнихъ размѣровъ въ началѣ 90-хъ годовъ.

Среднее годовое количество осадковъ въ Ургѣ равняется 238 мм. Изъ русскихъ городовъ, по количеству годовыхъ осадковъ, Урга соответствуетъ городамъ Ташкенту, Акмолинску, и Астрахани. При сравненіи же съ мѣстностями, лежащими на той же широтѣ Европейской

и Азіатской Россіи, оказывается, что годовое количество осадковъ въ этихъ послѣднихъ равняется:

Новосильцы	500 м.
Ольвіополь	400 „
Екатеринославъ	500 „
Чаплино	400 „
Юзово	400 „
Иргизъ	300 „
Сергіополь	300 „

По временамъ года и по мѣсяцамъ осадки эти въ процентномъ отношеніи распредѣляются такъ (по даннымъ консульства въ Ургѣ за прошлые годы):

Янв.	Февр.	Мартъ.	Апр.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сент.	Октяб.	Нояб.	Декаб.
1,0	0,9	0,9	0,5	5	23	29	25	9	2	1,8	2

Для сравненія привожу городъ Москву:

Янв.	Февр.	Мартъ.	Апр.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сент.	Октяб.	Нояб.	Декаб.
6%	4%	4%	5%	9%	11%	14%	12%	12%	8%	9%	6%

Такимъ образомъ три лѣтнихъ мѣсяца—іюнь, іюль, августъ—являются въ Халхѣ не только самыми дождливыми, но въ процентномъ отношеніи, по сраненію съ другими мѣсяцами, даютъ даже очень большое отклоненіе. Въ горныхъ районахъ осадковъ выпадаетъ больше, въ долинахъ меньше, при чемъ количество ихъ уменьшается, во-первыхъ, по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ, во-вторыхъ, съ увеличеніемъ абсолютной высоты мѣста и, въ-третьихъ, съ уменьшеніемъ лѣсной площади.

Сухость воздуха иногда бываетъ поразительная (1:100).

Наибольшая облачность наблюдается *) въ маѣ. Въ этомъ отношеніи сѣверо-западная Монголія соотвѣтствуетъ въ Россіи лишь части Амурской области—отъ рѣки Амура и до города Николаевска, Приморской области.

Минимумъ облачности приходится на январь, что соотвѣтствуетъ южнымъ частямъ Иркутской губерніи, Забайкальской области, Якутской (по рѣкѣ Алдану), Южно-Амурской и югу Приморской—до рѣки Амуръ.

Зимой температура нерѣдко понижается ниже 40°, что при абсолютной тишинѣ переносится сравнительно легко. Такая низкая темпе-

*) По даннымъ главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ.

ратура въ связи съ полнѣйшимъ покоемъ въ природѣ объясняется гористостью мѣстности, при которой холодный воздухъ, скопляясь въ ущельяхъ и долинахъ и не имѣя свободнаго выхода, исподволь сильно понижаетъ общую температуру края.

По даннымъ русскаго консульства въ Ургѣ, за прошлые годы, и г. Антропова въ Улясутаѣ, средняя температура по временамъ года въ этихъ пунктахъ слѣдующая:

	Средн. за годъ.	Средн. за июль.	Средн. въ январь.	Высшая жара.	Высшій холодъ.	Разн.
Урга	—2,9	+17,6	—27,8	+34	—48,2	82,2
Улясутай	—0,2	+19,2	—24,2	+33,1	—47,3	80,4

По абсолютной амплитудѣ температуры воздуха Урга соотвѣтствуетъ слѣдующимъ русскимъ городамъ: Зайсанскій постъ, Иргизъ, Саратовъ, Симбирскъ, Нижній-Новгородъ и Архангельскъ.

По наименьшей температурѣ воздуха соотвѣтствуетъ Каинску, Омску, Златоусту, Вяткѣ, Усть-Сысольску, Архангельску.

По абсолютной наибольшей температурѣ воздуха, принимая ее 42° Ц. (на основаніи личныхъ наблюденій экспедиціи), Урга соотвѣтствуетъ слѣдующимъ городамъ: Перовску, Ташкенту и Красноводску.

Сравнивая же данныя средней годовой температуры въ сѣверо-западной Монголіи съ Европейской Россіей, оказывается, что они соотвѣтствуютъ нашимъ крайнимъ сѣвернымъ губерніямъ; это вытекаетъ изъ того, что линія изотермы города Урги въ 2,9° проходитъ у насъ отъ города Березова, Тобольской губерніи, черезъ Архангельскую губернію по направленію острова Калгуева, а изотерма г. Улясутая въ 0,2° проходитъ отъ города Туринска, Тобольской губерніи, черезъ Пермскую и Вологодскую губерніи къ городу Архангельску.

Что касается температуры почвы, то она всегда въ іюнѣ и іюлѣ бывала на 4—5° выше температуры воздуха.

Начало весны для всей территоріи весьма различно и находится въ связи съ положеніемъ мѣстности въ отношеніи долготы и широты, горныхъ рельефовъ и высоты надъ уровнемъ моря. Такъ, подъ Кобдо, въ районѣ наибольшаго развитія земледѣлія, морозы бываютъ еще въ маѣ, иней исчезаетъ только послѣ 15 числа, и лишь съ 20-хъ чиселъ погода становится теплой, и начинается быстрое развитіе растительности; хотя въ лѣсахъ горныхъ хребтовъ снѣгъ иногда задерживается до первыхъ чиселъ іюня. Между тѣмъ въ сѣверной части этого района, напримѣръ, за Эгинъ-Голомъ, снѣгъ выпадаетъ нерѣдко въ срединѣ іюня вмѣстѣ съ дождемъ, при морозахъ до 2—3°.

Отсутствіе большихъ снѣговъ не даетъ обильныхъ вешнихъ водъ, почему весенніе разливы рѣкъ здѣсь очень незначительны.

Между тѣмъ, какъ въ іюнѣ, когда съ постепеннымъ нагрѣваніемъ жаркаго солнца, теплые слои воздуха поднимаются вверхъ, а на мѣсто ихъ притекаетъ болѣе холодный и влажный воздухъ Тихаго океана, и начинается періодъ дождей,—рѣки сильно разливаются и переправы черезъ нихъ, за отсутствіемъ всякихъ мостовъ, становятся затруднительными.

Въ серединѣ августа, особенно на возвышенныхъ мѣстахъ, начинаются постоянные утренніе морозы *), но въ общемъ августъ и сентябрь являются здѣсь наилучшимъ временемъ года, такъ какъ погода стоитъ ясная, теплая и безвѣтренная.

Началомъ зимы надо считать октябрь, когда обыкновенно замерзаютъ рѣки, хотя въ сѣверномъ районѣ онѣ становятся уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Толщина льда нерѣдко доходитъ до $2\frac{1}{2}$ и даже $2\frac{3}{4}$ арш. Снѣга выпадаетъ настолько мало, что онъ покрываетъ землю всего на 1—4 вершка, почему санный путь устанавливается чрезвычайно рѣдко. Болѣе глубокіе снѣга наблюдаются лишь въ лѣсныхъ сѣверныхъ мѣстахъ. Такъ, въ долину Хунцалъ, по рѣкѣ Суджактуй, зимою менѣе аршина снѣга не бываетъ (экспедиція проѣхала эти мѣста 10 іюня). Кромѣ того, падая совершенно сухимъ, снѣгъ при малѣйшемъ вѣтрѣ сдувается съ открытыхъ мѣстъ въ ущелья и летаетъ въ воздухѣ, отчего земля, оставаясь безъ снѣжнаго покрова, отъ сильныхъ морозовъ трескается на большую глубину. Промерзаніе почвы иногда доходитъ до такихъ слоевъ, куда не можетъ проникнуть лѣтняя теплота, въ силу чего въ такихъ мѣстахъ встрѣчается вѣчная мерзлота почвы. Проникновеніе мерзлоты въ глубь почвы и оттаиваніе верхнихъ ея слоевъ въ лѣтнее время зависитъ отъ теплопроводныхъ свойствъ этого верхняго слоя.

Одна изъ такихъ мерзлотъ встрѣчена была сѣвернымъ отрядомъ 14 августа (2,500 м.) въ вершинахъ истока рѣки Буксуя, притока Селенги.

Наиболѣе тяжелыми зимою являются сѣверо-западные вѣтры, дующіе въ февралѣ, преимущественно днемъ, и несущіе обыкновенно съ собою страшныя бури, силу которыхъ при стоящихъ въ

---

*) 17 августа при переправѣ экспедиціи черезъ Дзунъ-Харганы на высотѣ 2,640 м. шель снѣгъ, быстро стаявшій въ долину, но остававшійся на горахъ сравнительно долгое время.

это время морозахъ съ трудомъ переносятъ даже привыкшіе къ нимъ и закаленные монголы; скотъ же гибнетъ въ это время тысячами.

Вліяніе здѣшняго климата на человѣка очень благотворно по сравненію съ другими жаркими и влажными странами; простуда и связанная съ нею различныя легочныя заболѣванія—явленіе здѣсь довольно рѣдкое. Объясняется это только чрезвычайной сухостью воздуха, при которой высокая лѣтняя температура сопровождается всегда малой относительной влажностью; поэтому испареніе пота происходитъ здѣсь легко и быстро, тогда какъ во влажныхъ странахъ эта самая жара переносится съ трудомъ, потъ испаряется медленно и тѣмъ подвергаетъ разгоряченное, влажное тѣло обдуванію со всѣми его послѣдствіями.

Въ заключеніе надо сказать, что вслѣдствіе громадной важности знанія климатологіи пограничной съ Россіей страны является весьма желательнымъ наискорѣйшее устройство и правильное функционированіе метеорологическихъ станцій при русскихъ консульствахъ въ Монголіи.

Почвы.

Большая часть почвъ сѣверо-западной Монголіи представляетъ изъ себя продуктъ разрушенія ея горныхъ цѣпей и кряжей.

Горные хребты состоятъ изъ гнейса и гранита свѣтлаго, сѣраго или темнаго цвѣта, но почти всегда съ красноватымъ, болѣе или менѣе ясно выраженнымъ отливомъ.

По пути отъ Кяхты къ Ургѣ въ обрывахъ замѣчены были пласты крупнаго глинистаго сланцеваго песчаника, цвѣта темно-краснаго, сѣраго и даже чернаго и мелко-зернистаго песчаника, съ прослоями крупно- и мелко-зернистаго конгломерата, а также жилы краснаго гранита.

Характернымъ явленіемъ расположенія главныхъ подпочвенныхъ слоевъ, какъ гранита, песчаника и пр., служитъ то, что всѣ они имѣютъ почти правильное протяженіе съ запада на востокъ, т.-е. почти то же направленіе, какому слѣдуетъ большинство здѣшнихъ горныхъ цѣпей.

Почва по южнымъ склонамъ горъ обыкновенно песчано-каменистая, а по сѣвернымъ—болѣе плотная и глубокая глинистая и отчасти каменная.

Въ степяхъ преобладающей почвой является песокъ съ примѣсью гальки, рѣже—суглинокъ; на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ почвы эти переходятъ въ дресву. Въ большомъ количествѣ встрѣчается галька также въ долинахъ, въ глинистыхъ пескахъ, песчаныхъ и иловатыхъ глинахъ, гдѣ она носитъ иногда ясныя слѣды обтачиванія.

Въ долинахъ большихъ рѣкъ преобладаютъ почвы наносныя, супесчаныя, иногда песчаныя или илистыя, а по падымъ небольшихъ

рѣкъ—глинистыя и суглинистыя. Черноземъ попадаетъ полосами или даже клочками.

Представляя изъ себя естественное продолженіе плодороднаго русскаго Алтайскаго округа, сѣверо-западная Монголія не имѣетъ, между тѣмъ, того мощнаго чернозема, которымъ такъ богатъ вышеупомянутый округъ. Наилучшей и наиболѣе плодородной почвой является здѣсь темно-сѣрый суглинокъ, залегающій обыкновенно по теченію рѣкъ; особенно большія пространства его встрѣчены были по рѣкѣ Селенгѣ и ея притокамъ: Толѣ, Харѣ, Иро и Орхону. Но запасъ гумуса въ этихъ почвахъ невеликъ, такъ какъ по снятіи нѣсколькихъ урожаевъ цвѣтъ ихъ блѣднѣетъ, и онѣ становятся мало-плодородными.

Глубина почвеннаго слоя воздѣ невелика: 2—4 вершка, на скатахъ же и того меньше; болѣе глубокіе слои почвы наблюдались лишь въ низкихъ мѣстахъ, гдѣ они доходятъ до 8 вершковъ и гдѣ цвѣтъ ихъ становится темнѣе.

Въ мѣстахъ же, отдаленныхъ отъ рѣкъ, особенно въ самомъ юго-западномъ углу этого района, начиная отъ окрестностей города Улясутая по направленію къ озеру Дургануръ, большая часть почвы находится еще въ періодѣ образованія; это—такъ-называемыя скелетныя почвы, состоящія изъ гальки и хряща, такъ что при современномъ состояніи земледѣльческой техники являются совершенно непригодными для земледѣлія и могутъ быть использованы пока лишь для цѣлей скотоводства.

Солончаки попадались въ изобиліи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почва настолько пропитана солью и селитрой, что на поверхность выступаютъ бѣлыя пятна. Такія мѣста называются у монголъ гуджирами и охотно посѣщаются верблюдами и рогатымъ скотомъ, которые слизываютъ бѣлый соляной налетъ.

Иногда они бываютъ покрыты растительностью, сквозь которую пробивается наверхъ бѣлая соляная пыль *).

Въ районѣ г. Улясутай—озеро Дурга-Норъ встрѣчено было также много высохшихъ озеръ. Тонкій иль, нѣкогда покрывавшій дно этихъ озеръ, будучи обнаженъ и высушенъ, подвергается въ настоящее время выдуванію, оставляя послѣ себя иногда очень большія пространства, покрытыя галькой и дресвой.

Сѣверная часть описываемаго района Монголіи является наиболѣе богатой по разнообразію какъ древесныхъ породъ, такъ и травяного

Флора.

*) Гуджиры замѣчены были экспедиціей въ большомъ количествѣ къ юго-западу отъ Урги.

покрова. Вся эта часть отъ русской границы и вплоть до впаденія р. Эгинъ-Гола въ Селенгу и р. Иро на востокъ и горъ Таннуола на западъ принадлежитъ къ лѣсной полосѣ Монголіи. Преобладающимъ деревомъ является лиственница — *Larix*, затѣмъ ель — *Picea vulgaris*, кедръ — *Pinus Sembra*, осина — *Populus tremula* (особенно по берегамъ Селенги и ея притокамъ), тополь — *Populus* и монгольскій вязъ — *Ulmus campestris* L.; сосна и монгольская береза — *Betula verrucosa* Ehrh съ желтымъ стволомъ и мелкими листьями, встрѣчаются рѣже. Бѣлая береза начинается лишь южнѣе Хакэма (Енисея) и растетъ, главнымъ образомъ, на степяхъ въ видѣ рощицъ.

Изъ кустарниковъ преобладаютъ: жимолость — *Lonicera coerulea* L., малина — *Robus Idaeus*, смородина — *Ribes petraeum* Vulf., бузина — *Sambucus gasemosa*, монгольскій миндаль — *Amygdalis pedunculata*, богульникъ — *Ledum*, черника — *Vaccinium*, лапчатка — *Potentilla*, рододендронъ — *Rhododendron*, рябина и черемуха. Послѣдняя является господствующей въ лѣсахъ окрестностей Урги и по Эгинъ-Голу.

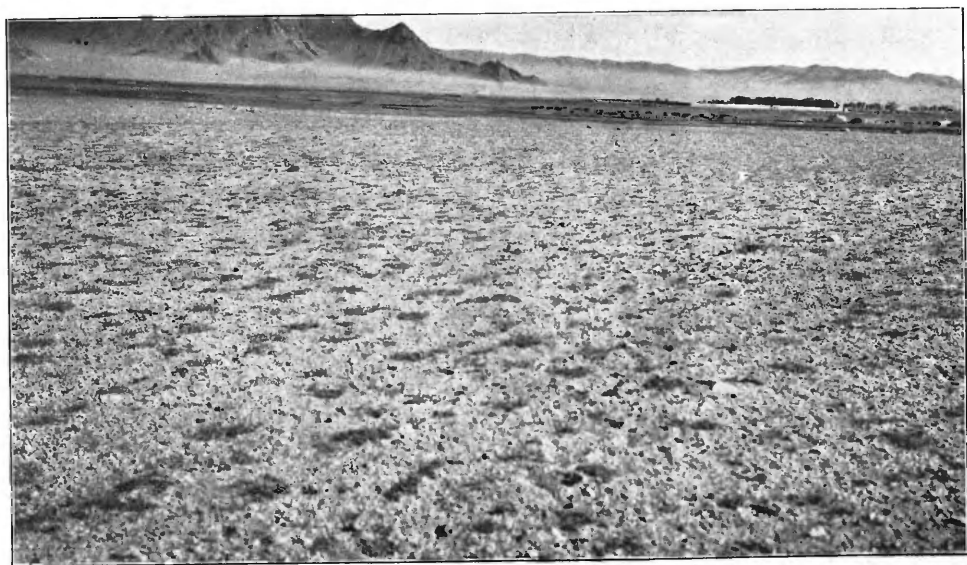
Лѣса тянутся или сплошной стѣной по склонамъ горъ или располагаются въ долинахъ отдѣльными небольшими рошицами. Чѣмъ ближе къ Алтайскому округу, тѣмъ растительность богаче и лѣса гуще, при чемъ послѣдніе почти всегда расположены по сѣверной сторонѣ горъ, тогда какъ на южной они или чрезвычайно рѣдки или совершенно отсутствуютъ. Особенно ярко замѣтна эта разница въ цѣляхъ Тануола и Хангая, тогда какъ болѣе сѣверный Саянскій имѣетъ обѣ стороны почти облѣсенными, а южный, Монгольскій Алтай, наоборотъ, обѣ стороны почти голыя.

Не менѣе богатъ своими представителями и травяной покровъ сѣвернаго района. Наиболѣе часто попадаются: сердечникъ луговой — *Cardamine pratensis*, триостринникъ болотный — *Triglochin palustris*, мятликъ — *Poa attenuata* Trin, мятликъ лѣсной — *Poa nemoralis* L., мятликъ обыкновенный — *Poa trivialis*, манникъ — *Glyceria subfastigiata* G., вѣйникъ — *Calamagrostis lap.*, осока — *Carex ustulata* V., осока пузырчатая — *Carex vesicaria* и другія. Много сортовъ дикаго монгольскаго лука, почти не уступающаго по своимъ качествамъ культурнымъ сортамъ этого растенія и проч., и проч. Задерненность 70—95%.

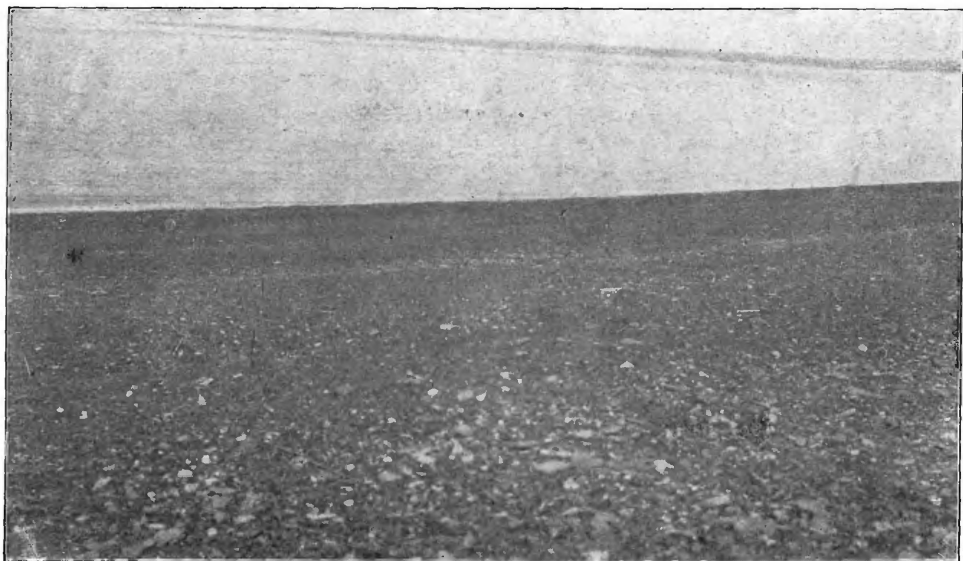
Особенно роскошныя встрѣчаются здѣсь заросли растенія чія (дересунъ — *Lassaria agrostis*). Очень большія площади его замѣчены были экспедиціей по долину р. Эгинъ-Гола. Чій представляетъ изъ себя многолѣтнее растеніе, встрѣчающееся повсемѣстно въ сѣверо-западной Монголіи. Растетъ онъ или большими площадями, или спорадически от-

Каменистая почва степи возлѣ ледника Хаирь-Хагъ.

Глинистая почва, усѣянная галькой подъ г. Кобдо.

Песчаная степь, покрытая галькой.

Пески Гоби.

дѣльными группами и кустами, достигаетъ до 2—4 аршинъ высоты и служитъ любимымъ кормомъ для всѣхъ видовъ скота въ теченіе круглаго года. Особенность его заключается въ томъ, что онъ въ теченіе короткаго періода всего только одного мѣсяца мая или іюня, смотря по широтѣ произрастанія, достигаетъ своего полного развитія. Скотъ, а особенно лошади и верблюды, съ жадностью набрасываются на молодой чій въ періодъ его роста и сильно поправляются. По своему кормовому эффекту чій для степной лошади замѣняетъ овесъ. Удачно развиваясь на всякихъ почвахъ—солонцахъ, болотахъ и пескахъ, онъ тѣмъ самымъ имѣетъ громадное распространеніе и самое разнообразное примѣненіе: скошенный въ молодомъ видѣ, даетъ прекрасное питательное сѣно; срѣзанный въ болѣе позднемъ возрастѣ—идетъ на плетеніе ковровъ для юртъ, обставку ихъ, для подстилки при изготовленіи въ прокъ сыра монголами и проч. Наконецъ, будучи оставленъ на зиму, онъ вслѣдствіе своего высокаго роста не заносится снѣгомъ, почему спасаетъ скотъ отъ голодовокъ при зимней безкормицѣ. Однимъ словомъ, если суждено когда въ Монголіи развиваться цивилизаціи, то послѣдняя, несомнѣнно, во многомъ будетъ обязана культурѣ этого растенія.

Второе мѣсто послѣ чія занимаетъ по своей важности люцерна, которая въ дикомъ видѣ тоже встрѣчается здѣсь въ изобиліи; главное распространеніе ея замѣчено въ южной полосѣ.

На болѣе высокихъ мѣстахъ встрѣчены представители степной полосы, которые отличаются не столько разнообразіемъ формъ, сколько густотой своей.

Изъ болотной растительности наиболѣе часто попадались слѣдующія:

Мытникъ—*Pedicularis Oederis* Vald, мытникъ—*Pedicularis euphrasiades* Steph, калужница болотная—*Caltha palustris*, камнеломка—*Saxifraga hieracifolia*, сабельникъ болотный—*Comarum palustre*, фіалка двуцвѣтная—*Viola biflora* и пр.

По мѣрѣ направленія къ югу характеръ растительности измѣняется: появляются спеціально степные главнымъ образомъ злаки, мелко-листные, но болѣе питательные, чѣмъ крупно-листные, въ сѣверной части; всевозможные солончаковые, а также полыньи, играющія здѣсь ту же роль по своей питательности, что и ковыль. Въ общемъ растительность не отличается богатствомъ видовъ; но именно она и даетъ возможность выращивать лошадей, овецъ, рогатый скотъ и верблюдовъ гораздо лучшаго качества, чѣмъ это удастся сѣвернѣе, въ мѣстахъ съ хоро-

шими и, повидимому, богатыми кормами, при чемъ въ сухіе годы, когда на видъ травы эти очень плохи, скотъ на нихъ не тощаетъ и прекрасно поправляется, тогда какъ тѣ же травы, собранныя въ дождливый годъ, хотя на видъ хороши, но менѣе питательны.

Къ югу отъ Улясутая, въ Гобійской степи, флора уже ничего общаго съ вышеописанной не имѣетъ. Здѣсь встрѣчены были слѣдующія растенія: карагана—*C. tucrophylla* D. C., это — низкое некрасивое растеніе, съ круглыми стеблями, которые стелятся по землѣ; наиболѣе роскошный видъ имѣетъ на твердыхъ и бесплодныхъ почвахъ, гдѣ она густо покрыта темно-зелеными узкими листьями; на болѣе плодородныхъ и мягкихъ почвахъ она, наоборотъ, слабѣе и блѣднѣе; цвѣты имѣетъ маленькіе и желтые. Бударгана замѣчена преимущественно на солонцахъ, рядомъ съ полынью (особ. *Artemisia frigida* V.) и всевозможными видами солянокъ; растетъ въ видѣ небольшихъ кустиковъ и составляетъ любимый кормъ верблюдовъ. Дэрэссу (или Чій—*Lassalia agrostis*) принадлежитъ къ семейству злаковыхъ, растетъ тоже пучками, достигающими 4—7 футовъ вышины; стебли его тверды наподобіе проволоки, почему въ состояніи сдерживать движеніе песковъ; безъ этого растенія, надо думать, Гобійская пустыня, подъ вліяніемъ юго-восточныхъ лѣтнихъ вѣтровъ и бурь, быстро надвинулась бы на близлежащія къ сѣверу долины и занесла бы ихъ.

Въ общемъ южная часть изслѣдованнаго района въ концѣ лѣта (августъ мѣсяцъ, когда здѣсь проѣзжала экспедиція) наводитъ тоскливое настроеніе своимъ однообразнымъ видомъ выгорѣвшихъ на солнцѣ и безъ того скудныхъ травъ.

**Народона-
селеніе.**

Населеніе Монголіи распределено очень неравномѣрно, и цифра жителей далеко не соотвѣтствуетъ пространству, занимаемому страной. Исчисляется оно приблизительно въ три милліона душъ, такъ что на одну квадратную версту приходится около 0,7 жителей. Наиболѣе заселенными частями является сѣверо-западная Монголія и страна Чахаръ, тогда какъ Гоби пустуетъ.

Населеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ народностей монгольской расы, съ различными нарѣчіями; преобладающими являются монголы—потомки нѣкогда отважныхъ и воинственныхъ кочевниковъ временъ Чингисъ-Хана.

Монголы имѣютъ широкое плоское лицо, съ большими скулами, приплюснутый носъ и очень маленькіе узкіе, косо прорѣзанные глаза; уши большія, оттянутыя напередъ, голова большая, покрытая черными и жесткими волосами, плѣшивыхъ почти не встрѣчается; усы и борода

появляются не ранѣе 25 лѣтъ, да и то очень рѣдко. Ростъ средній, сложеніе коренастое, цвѣтъ кожи немногимъ темнѣе европейскаго. Зубы большіе, бѣлые, крѣпкіе и здоровые, сохраняются до глубокой старости и рѣдко болѣютъ.

Волосы на головѣ мужчины бреютъ, оставляя лишь на макушкѣ пучокъ волосъ, которые и заплетаютъ въ косицу. Обычай носить косу мужчинами введенъ у монголъ маньчжурцами при завоеваніи ими Монголіи и знаменуетъ вассальность послѣднихъ къ Китаю. Женщины волосъ не бреютъ, а заплетаютъ ихъ въ косы: дѣвушки—въ одну, а женщины—въ двѣ. Косы переплетаются разноцвѣтными лентами и шнурками, а у болѣе зажиточныхъ вкладываются въ родѣ трубокъ, которыя затѣмъ спускаются напередъ по обѣимъ сторонамъ головы; уши украшаются серьгами, а руки—браслетами. Прически себѣ монгольскія женщины, какъ и китайскія, дѣлаютъ не каждый день, а смазываютъ волосы густо масломъ, чтобы они не сбивались и не было бы нужды расчесывать ихъ ежедневно. Длинные волосы у женщинъ считаются украшеніемъ, а короткіе, напротивъ, позоромъ; поэтому богатые монголки вплетаютъ въ свои волосы нерѣдко чужіе.

По характеру своему монголъ гостеприименъ, довѣрчивъ до наивности, суевѣренъ, лѣнивъ, честенъ и совершенно свободенъ отъ всякаго подобострастія передъ сильными и богатыми. Нельзя сказать, чтобы доброта была прирожденной чертой его характера. Напротивъ, кровь варваровъ сказывается въ пассивной безчеловѣчности монгола къ бѣднякамъ, умирающимъ и мертвымъ, хотя бы самымъ близкимъ роднымъ, а также при исполненіи наказаній и жестокихъ казней надъ преступниками *).

Суевѣріе развито въ монголѣ его буддійской религіей въ связи съ жизнью въ пустыняхъ и горахъ, гдѣ все богатство и онъ самъ находятся всецѣло въ зависимости отъ явленій природы и гдѣ отсутствіе образованія, или хотя бы какой-либо цивилизаціи, не даетъ естественнаго объясненія и отвѣта на вопросы.

Что же касается честности, то несмотря на довольно большое сейчасъ внѣдреніе китайскаго элемента въ среду монголъ, эти послѣдніе до сихъ поръ сохраняютъ эту симпатичную черту своего характера.

---

*) Что касается того, знаютъ и помнятъ ли свое прошлое сами монголы и какъ они къ этому относятся,—не разъ приходилось говорить членамъ экспедиціи. Насколько выяснилось, простой народъ совершенно не знакомъ съ исторіей своей страны; что же касается монгольскихъ князей, то она имъ хорошо знакома, они ею гордятся, и многіе рассказы изъ того времени донинѣ передаются изъ рода въ родъ.

Относительно лѣни надо замѣтить, что она является лишь какъ слѣдствіе бѣдности, необразованности и отсутствія всякихъ духовныхъ интересовъ и запросовъ. При нуждѣ же монголъ можетъ трудиться и работать долго и упорно, при чемъ такую работу, которая не подь силу совершенно европейцамъ.

Жилищемъ монголу служитъ юрта. Составляется она изъ деревянныхъ раздвижныхъ рѣшетокъ, привязываемыхъ въ видѣ корзинки на спеціально сдѣланные круги.

На рѣшетки натягивается войлокъ, поверхъ котораго юрта обвязывается веревкой; зимою настиляется второй рядъ войлока *).

Сбоку дѣлается дверь, а наверху юрты оставляется маленькое отверстіе для выхода дыма. Для постановки такого дома требуется двухчасовая работа двухъ человекъ. Когда монголъ перекочевываетъ на другое мѣсто, онъ разбираетъ юрту, раскладываетъ ея составныя части по кожанымъ сумамъ и навьючиваетъ ихъ на верблюда или на лошадь.

Юрта имѣетъ 10—15 футовъ въ діаметрѣ, вышина ея 5 футовъ. У богатыхъ монголъ юрта внутри обвѣшивается коврами, шелковыми и шерстяными матеріями, наподобіе обоевъ. Чаще всего встрѣчается пунцовый ситецъ, цуямба и далимба. Полъ также устилается поверхъ войлока коврами. Столбы, поддерживающіе основной обручъ богатой юрты, украшаются матеріей или разрисовываются. Но снаружи ставку монгольскаго князя можно различить съ трудомъ, такъ какъ она почти ничѣмъ не отличается отъ кочевій обыкновеннаго монгольскаго простолюдина; лишь изрѣдка княжескія резиденціи помѣщаются рядомъ съ хошунами и монастырями въ китайскихъ фанзахъ и имѣютъ тогда видъ городковъ.

У стѣны, противоположной къ входу въ юрту, устраивается ящикъ, на которомъ ставятся идолы и бурханы, изображающіе монгольскихъ боговъ, а передъ ними мѣдныя чашечки, въ родѣ лампадокъ, съ кормомъ для боговъ. У бѣднаго монгола эти чашечки выточены изъ латуни. У богатыхъ же самой разнообразной формы и съ дорогими украшеніями; такъ какъ ящикъ этотъ устроенъ сравнительно высоко, то къ нему ведутъ двѣ—три ступеньки, иногда разрисованныя красными, синими и желтыми разводами. Мѣсто это считается священнымъ.

Около остальныхъ стѣнъ стоятъ ящики съ одеждой, если таковая имѣется въ запасѣ, иногда низенькій столикъ, тоже пестро размале-

---

*) На одну юрту идетъ восемь кусковъ войлока, по 20 кв. аршинъ, стоимостью въ 24 рубля и вѣсомъ около 5 пудовъ.

ванный; чѣмъ больше сундуковъ стоитъ около стѣнъ, тѣмъ богаче монголь. Какихъ-нибудь принадлежностей постели нигдѣ нѣтъ; изрѣдка лишь у болѣе богатыхъ встрѣчаются сложенные у стѣны стеганья одѣяла и подушки, набитыя ватой *).

Посреди юрты горитъ сухой аргаль (пометъ **) , который почти никогда не тушится, поэтому въ юртѣ сравнительно тепло, а ночью, когда плотно закрывается дверь и дымовое отверстіе, становится даже жарко. Но зато воздухъ отъ горящаго аргала имѣетъ какой-то прокислый запахъ, который при входѣ сразу бьетъ въ лицо, и съ непривычки переносить его крайне тяжело. Къ утру, несмотря на плотно закрытыя выходныя отверстія, въ юртѣ все-таки дѣлается холодно, и вода зимою замерзаетъ. Между тѣмъ монголь имѣетъ обыкновеніе на ночь раздѣваться почти до гола, кладя свои сапоги и шаровары подъ голову вмѣсто подушки и укрываясь лишь халатомъ, или же у болѣе богатыхъ — козьимъ одѣяломъ.

Утварь монгола крайне бѣдная и ограничивается десятками предметовъ, наиболѣе необходимыхъ въ хозяйствѣ. Такъ, посреди юрты вмазывается глиной котель, сдѣланный изъ чугуна или желѣза, крышка его замѣняетъ собою блюдо; затѣмъ деревянное ведро, иногда обтянутое желѣзомъ, ложка, ступа, кувшинъ — по мѣстному — „дамбо“ и деревянные чашки — въ діаметрѣ 3—4 вершка, а также мѣдные чайники самой разнообразной формы. Одно время появилась эмалированная посуда, но вслѣдствіе своей сравнительной непрочности она не пошла и была встрѣчена экспедиціей лишь рѣдко у кого. Для перевозки воды имѣются большія мѣдныя фляги, величиной съ ведро, привязываемыя по-парно къ верблюду.

Никакихъ слѣдовъ роскоши или европейскихъ украшеній въ юртѣ монгола не замѣчается. Единственную роскошь, которую позволяетъ себѣ монголь (не городской), это — имѣть трубку для табака, такъ какъ куреніе и нюханіе табака для него составляетъ величайшее удовольствіе. Трубку эту онъ носитъ всегда за голенищемъ сапога, очень дорожить ею и считаетъ для себя самымъ драгоценнымъ подаркомъ отъ европейца. Курятъ даже дѣти-подростки ***).

---

*) Перьевъ нигдѣ нѣтъ, такъ какъ никакой домашней птицы монголы не разводятъ.

**) Аргаломъ топятъ не вездѣ, а лишь въ мѣстностяхъ, лишенныхъ лѣса; въ противномъ случаѣ зажигаютъ дрова или рубятъ кустарникъ.

***) Табакъ покупаютъ китайскій, по 28 коп. гинь (1½ ф.) (напоминаетъ нашу махорку).

У богатыхъ князей, благодаря поѣздкамъ въ Пекинъ и знакомству съ жизнью китайскихъ чиновниковъ, обстановка въ юртахъ нѣсколько богаче. Не говоря уже о большомъ количествѣ ковровъ и матерій, покрывающихъ стѣны и деревянный полъ юрты, были встрѣчены зеркала, часы и даже граммофоны, очень ими любимые. Въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда монголь живетъ осѣдлой жизнью, напримѣръ, въ городахъ, онъ предпочитаетъ ютиться въ китайской фанзѣ, но не въ домѣ.

Фанза устраивается изъ деревянныхъ бревенъ и такой же рѣшетчатой крыши. Какъ стѣны, такъ и крыша обмазываются внутри и снаружи глиной. Во время дождей подобная крыша нерѣдко смывается и сильно протекаетъ. Окна въ фанзѣ обклеиваются бумагой, лишь у болѣе зажиточныхъ вставляется деревянная рама, раздѣленная на нѣсколько мелкихъ частей и застекленная плохимъ китайскимъ стекломъ.

Одежда монгола крайне проста. Мужчины носятъ длинную рубашку *) и шаровары, запрятаные внизу въ длинные неуклюжіе сапоги, съ толстыми подошвами и загнутыми кверху носками.

Голова лѣтомъ ничѣмъ не покрывается или повязывается только синимъ платкомъ. Зимой, поверхъ лѣтняго костюма, а иногда прямо на голое тѣло надѣваются мѣховыя кальсоны и мѣховой халатъ. Послѣдній подпоясывается узкимъ поясомъ, къ которому привѣшены кисеть съ табакомъ и огниво; на голову надѣвается мѣховая шапка съ наушниками; у бѣдныхъ шьется она изъ банараньяго мѣха, а у болѣе зажиточныхъ — изъ волчьяго или лисьяго.

На ногахъ—толстые войлочные чулки. Лѣтомъ отъ дождя поверхъ платья надѣваютъ еще непромокаемый войлочный плащъ изъ овечьей или козьей шерсти.

Костюмъ женщинъ почти ничѣмъ не отличается отъ мужского; у нихъ только плечи въ халатѣ подкладываются ватой, самъ халатъ не подпоясывается, а сверхъ него надѣвается безрукавка; у дѣвушекъ халатъ обшивается у ворота тесьмой, иногда позументомъ; чѣмъ богаче монголка, тѣмъ больше бываетъ у нея рядовъ такой обшивки. Что касается шапки и сапогъ, то послѣдніе у женщинъ такіе же, какъ и у мужчинъ. Вообще монгольскимъ женщинамъ и дѣвушкамъ не

---

*) На рубашку идетъ 3—4 ама дрили или бязи, на шаровары—такое же количество далимбы или цуимбы. Послѣдніе два сорта матеріи предпочитаютъ всѣмъ остальнымъ, такъ какъ хорошо приспособлены къ грязи, что при нечистоплотности монгола имѣетъ важное значеніе.

чужда любовь ко всякимъ украшеніямъ, и подарки въ видѣ лентъ, позументовъ и кистей принимаются ими съ большою радостью.

Перчатокъ, даже въ самые большіе холода, монголки не носятъ, да даже и понятія о нихъ не имѣютъ. Защищаютъ же свои руки отъ морозовъ длинными, обшитыми мѣхомъ, рукавами халатовъ.

У княгинь, особенно богатыхъ, встрѣчаются очень красивые халаты, сдѣланные изъ парчи, чесучи и всевозможныхъ шелковъ и обшитые богатыми позументами. Костюмы эти, въ связи съ прической монголокъ, напоминаютъ нѣсколько прежніе русскіе боярскіе костюмы. Дѣти до 6—7 лѣтъ лѣтомъ ходятъ голыя.

Всю жизнь свою привыкнувъ возиться со скотомъ, живя среди предрасудковъ и суевѣрій и не имѣя понятія о культурной жизни,—монголь поражаетъ своею нечистоплотностью и равнодушіемъ къ такой грязи, съ которой европеецъ никакъ не въ состояніи примириться. Монголь ни разу въ жизни не моетъ, какъ слѣдуетъ, своего тѣла, даже руки и лицо ополаскиваетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, да во время сильныхъ морозовъ смазываетъ ихъ саломъ; одежду тоже никогда не моетъ и не перемѣняетъ, а носитъ ее до тѣхъ поръ, пока она носится. Отъ этого вся одежда его кишитъ всевозможными паразитами, съ которыми монголь живетъ чуть ли не въ дружбѣ, тогда какъ европеецъ не знаетъ отъ нихъ отдыха въ юртѣ. Нечистоплотность эта придаетъ всему тѣлу монгола какой-то специфическій отталкивающий запахъ, который вызываетъ отвращеніе у свѣжаго человѣка.

Главную пищу монгола составляетъ молоко во всѣхъ его видахъ, мясо и чай. Чай, извѣстный подъ именемъ кирпичнаго, готовится въ Китаѣ,—спеціально для монголь и другихъ кочевыхъ народовъ, изъ зеленыхъ листьевъ, не подвергшихся броженію; прессуется въ кубики 8 × 4 вершка и служитъ во многихъ мѣстахъ какъ мѣновая единица. Расходится въ огромномъ количествѣ: такъ, только черезъ Фынъ-Чень китайцы ввозятъ его въ Монголію ежегодно болѣе чѣмъ на милліонъ рублей. Живя въ жаркомъ климатѣ и испытывая постоянно большую жажду, монголь между тѣмъ почти не употребляетъ сырой воды, замѣняя ее чаемъ. Послѣдній варится въ томъ котлѣ, гдѣ и мясо, вода наливается изъ ближайшаго колодца, рѣки, болота, часто соленая, а зимою просто накладывается снѣгъ или кусочки льда, часто грязнаго. Если же принять во вниманіе, что колодцы въ степи монголами устраиваются въ высшей степени примитивно, что изъ нихъ вмѣстѣ съ людьми пьютъ скотъ, нерѣдко больной, выливая назадъ изъ рта опивки, и что наконецъ, около такихъ колодцевъ всегда есть лужи съ мочей живот-

ныхъ, стекающей обратно въ колодець,—то представленіе о монгольскомъ чаѣ будетъ еще ярче.

Въ кипящую воду бросаютъ горсть чая, предварительно наструганнаго ножемъ и растолченнаго въ ступкѣ; наваръ отъ него получается очень крѣпкій, не имѣющій ничего общаго съ тѣмъ чаемъ, который привыкъ пить европеецъ: это—темная жидкость, очень горькая на вкусъ и отдающая кожей. Пьютъ ее безъ сахара, прибавляя нѣсколько чашекъ коровьяго или козьяго молока, кусокъ бараньяго сала и щепотку соли. Такого чая монголь можетъ выпить въ день до 30 чашекъ. Въ чай иногда всыпается жареное просо (буда) или же мука изъ поджаренныхъ ячменныхъ зеренъ (болосонъ-гуриль),—получается родъ каши. Чашка для чая обязательно должна быть у каждого своя; у болѣе богатыхъ онѣ бывають разрисованныя и красивыя и составляютъ предметъ заботы ихъ владѣльцевъ; носятъ чашку за пазухой, при чемъ никогда не моютъ, а лишь до-чиста вылизываютъ языкомъ. При ѣдѣ жидкой каши сначала выпиваютъ жижу изъ чашки, а затѣмъ палочками ѣдятъ гущу.

Изъ молока приготовляютъ бишмыкъ—сыръ, аруль-хуруть—сухой сыръ, тарыкъ—творогъ, айрыкъ—кислое молоко и урюмъ—пѣнки изъ специально кипяченаго молока.

Изъ кобыльяго молока дѣлають кумысъ, содержащійся въ большихъ кожанныхъ мѣшкахъ, а гдѣ разводятся яки, то на столѣ монгола появляется и масло. Кромѣ того изъ кобыльяго молока приготовляютъ слабое вино—архи, которое получается отъ броженія подъ вліаніемъ главнымъ образомъ сычуга теленка и даетъ до 2% спирта. Напитокъ этотъ очень любимъ монголами, тѣмъ болѣе, что въ продажѣ спиртныхъ напитковъ не имѣется, за исключеніемъ китайской водки, имѣющей отвратительный вкусъ, хуже нашей сивухи, и стоящей кромѣ того чрезвычайно дорого. У князей и богатыхъ монголь встрѣчена была водка мѣстнаго русскаго приготовленія—спиртъ, разбавленный водою.

Баранье мясо послѣ молока и чая является главнымъ пищевымъ средствомъ монгола. Если онъ не имѣетъ возможности потреблять мясо въ пищу ежедневно, то уже въ дни религиозныхъ и бытовыхъ праздниковъ, общественныхъ и семейныхъ торжествъ баранина обязательно появляется у него на столѣ. Только лѣтомъ, когда растеть приплодь и поправляются стада, монголь щадить овецъ и замѣняетъ баранину молочными продуктами и кумысомъ. Лучшими и любимыми кусками считаются грудинка и курдюкъ. Первую поджариваютъ на вертелѣ, а сало ѣдятъ сырымъ или кладутъ въ чай. Остальныя части барана, вклю-

Монгольскій тайджи (дворянинъ) съ женою.

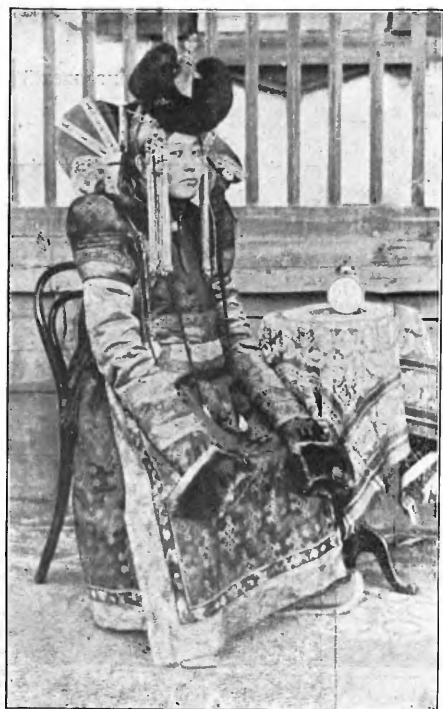
Монгольскія дѣвушки и женщины.

Богатые наряды монгольских княгинь.

Наряд богатой монгольской дѣвушки.

Наряд богатой монгольской женщины.

чая брюшину и кишки, идутъ на приготовленіе супа, который варится въ томъ котлѣ, что и чай; супъ засыпается кусочками тѣста или просомъ. Мясо хозяинъ, вынувъ изъ котла на тарелку (крышку съ котла), рѣжетъ на куски съ помощью рукъ и ножа безъ вилки и раздаетъ обѣдающимъ.

Употребленіе хлѣба хорошо извѣстно лишь въ сѣверныхъ частяхъ; на югѣ же, въ мѣстностяхъ около Улясутая, напримѣръ, чернаго хлѣба почти нѣтъ. Изъ пшеничной муки пекутъ родъ прѣсныхъ лепешекъ, и лишь въ большихъ городахъ были встрѣчены булки. Въ большомъ употребленіи также приготовленіе хлѣбныхъ орѣшковъ, которые жарятся на внутреннемъ или курдючномъ салѣ. На зиму запасы дѣлаются изъ баранины, мелко изрубленной и поджаренной въ салѣ: въ такомъ видѣ она можетъ сохраняться въ теченіе цѣлаго года. При кочевкахъ мясо подкладывается верблюду подъ потникъ и въ сыромъ видѣ съѣдается потомъ вмѣстѣ съ приставшей шерстью и потомъ верблюда. Мясо не только больныхъ и павшихъ животныхъ, но даже павшихъ отъ заразительныхъ болѣзней, напримѣръ, сибирской язвы, сапа и чумы, поѣдается монголами наравнѣ съ мясомъ здоровыхъ животныхъ и допускается въ городахъ къ продажѣ, рядомъ съ другими продуктами.

Кромѣ бараньяго мяса, монголы ѣдятъ конину, мясо рогатаго скота, яка, верблюда, козъ, деренъ и, гдѣ есть, мараловъ. Ни птицъ, ни рыбъ не ѣдятъ и изъ дикихъ звѣрей употребляютъ лишь мясо тарбагановъ.

Приготовленіе всякихъ кушаній, а также уходъ за юртой и скотомъ лежитъ всецѣло на женахъ монгола. По закону, монголъ можетъ имѣть только одну жену, выбираемую ему его родителями еще въ дѣтствѣ; она считается въ домѣ хозяйкой, и ея дѣти только и имѣютъ право на наслѣдство имущества послѣ смерти отца. Кромѣ законной жены монголы, особенно богатые, имѣютъ часто нѣсколько второстепенныхъ женъ, которыя всѣ находятся въ повиновеніи у старшей жены. Монголки прекрасныя матери и хозяйки; въ обычной жизни онѣ имѣютъ доступъ ко всѣмъ занятіямъ и удовольствіямъ, какъ и мужчины, и живутъ совершенно открыто. Между женами князей встрѣчено было нѣсколько чрезвычайно умныхъ женщинъ, живо интересующихся жизнью европейцевъ.

Родство признается только по мужской линіи, а потому и браки не дозволяются лишь съ этой стороны, такъ какъ и браки однофамильцевъ, хотя бы на самомъ дѣлѣ и не родственныхъ между собою. Покойниковъ своихъ монголы не хоронятъ, а отвозятъ куда-нибудь

подальше и кладуть въ полѣ, предоставляя на съѣденіе волкамъ, собакамъ и птицамъ. *) Въ силу такого обычая въ Монголіи, особенно въ большихъ городахъ, собаки бродятъ сотнями и, привыкнувъ къ человѣческому мясу, нерѣдко нападаютъ на живыхъ людей. Почетныхъ ламъ и князей сжигаютъ, пепель смѣшиваютъ съ глиной, слѣпляютъ въ комочекъ и кладуть на полку рядомъ съ идолами.

Монголы исповѣдаютъ буддѣйскую религію, при чемъ количество ламъ у нихъ, т.-е. духовныхъ, составляетъ одну треть всего мужского населенія, т.-е., иначе говоря, на 5—6 монголъ приходится одинъ лама. Явленіе это объясняется основными вѣрованіями ламаитовъ въ то, что во-первыхъ, принятіе духовнаго званія даетъ право на изученіе религіи и облегчаетъ путь къ достиженію совершенства, и во-вторыхъ, что чтеніе молитвословій, недоступное простымъ смертнымъ, обладаетъ чудодѣйственною силою устранять всякія несчастья. При такихъ основахъ вѣроученія среди монголъ распространены обычай посвящать по крайней мѣрѣ одного изъ троихъ сыновей на служеніе Буддѣ. Тѣ же, кто не имѣетъ родныхъ сыновей, прибѣгаютъ нерѣдко къ усыновленію постороннихъ мальчиковъ для того только, чтобы получить возможность имѣть въ семьѣ своего лама. Большинство монгольскихъ ламъ не составляетъ духовнаго сословія въ настоящемъ смыслѣ этого слова; они лишь ограничиваются принятіемъ священныхъ обѣтовъ и усвоеніемъ подъ руководствомъ ученыхъ ламъ началъ ламайскаго вѣроученія, а затѣмъ возвращаются обратно къ своимъ семьямъ въ родныя кочевья. Эти ламы называются степными, ведутъ такой же образъ жизни, какъ и миряне и отличаются отъ послѣднихъ только бритой головой, цвѣтной одеждой—красной или желтой—и знаніемъ нѣкоторыхъ молитвъ на тибетскомъ языкѣ. Они вносятся въ общій списокъ данниковъ своего князя и отбываютъ повинности на ряду съ прочими податными монголами.

Дѣйствительными же ламами, т.-е. свободными отъ всякихъ гражданскихъ повинностей, признаются китайскимъ правительствомъ лишь тѣ ламы, которые получили особыя на это званіе грамоты въ Пекинѣ отъ пекинской Палаты Внѣшнихъ Сношеній. Полученіе этихъ грамотъ сопряжено съ большими церемоніями и значительными расходами, а потому монгольскіе ламы почти никогда не имѣютъ у себя такихъ грамотъ, а довольствуются однимъ лишь разрѣшеніемъ мѣстнаго князя.

---

*) При вѣздѣ въ Ургу находится глубокой оврагъ, куда и скидываютъ мертвецовъ.

Тѣмъ не менѣе всѣ живущіе въ монастыряхъ ламы, въ силу укоренившагося обычая, освобождаются отъ всякихъ повинностей.

Переходную ступень между ламами и мірянами составляютъ убаши, принявшіе пять первыхъ священныхъ обѣтовъ, установленныхъ ламаизмомъ. Обѣты эти слѣдующіе: во-первыхъ, не лишать жизни какія бы то ни было живыя существа, во-вторыхъ, не присвоить чужую собственность, въ-третьихъ, не возбуждаться грѣховными пожеланіями, въ четвертыхъ, не говорить неправду, и въ-пятыхъ, не употреблять вино и вообще всего опьяняющаго. Посвященіе въ убаши совершается большею частію надъ малолѣтними и имѣетъ цѣлью подготовленіе ихъ къ принятію монашескихъ обѣтовъ и полученію духовнаго званія. Какъ отличіе, убаши носятъ красную ленту черезъ плечо.

Не всѣ монгольскіе ламы имѣютъ одинаковое значеніе. Высшій и притомъ совершенно исключительный по значенію видъ ламайскихъ жрецовъ составляютъ хубилганы, т.-е. святыя перерожденцы, въ которыхъ воплощаются небесныя будды или же души знаменитыхъ ламъ. Въ основаніи почитанія хубилгановъ лежитъ вѣрованіе въ переселеніе душъ, согласно которому душа каждаго святого ламы, покинувъ свою матеріальную оболочку въ одномъ тѣлѣ, немедленно перевоплощается въ тѣло какого-нибудь новорожденнаго младенца; отыскиваніе такихъ перерожденцевъ производится по указаніямъ высшихъ хубилгановъ и сопровождается множествомъ обрядовъ и гаданій. Иногда бываетъ одновременно по нѣсколько перерожденцевъ одного и того же ламы: одинъ перерожденецъ тѣла, другой—слова, третій—мысли или души умершаго.

Высшіе хубилганы, прошедшіе черезъ нѣсколько перерожденій, носятъ еще титулы хутухты или гегена, которые даются китайскимъ богдыханомъ при особыхъ рескриптахъ. Титуль хутухты дается за выдающуюся дѣятельность на пользу религіи, а титуль гегена за гражданскія заслуги. Иногда оба эти званія соединяются въ одномъ лицѣ.

Во главѣ хубилгановъ, а слѣдовательно и всѣхъ ламъ, стоятъ два бого-человѣка: далай-лама въ сѣверо-западной части Тибета и банчень-эрбени—въ юго-восточномъ Тибетѣ. Почти равное имъ значеніе имѣетъ въ Монголіи богдогегенъ, проживающій въ Ургѣ, куда ежегодно стекаются для поклоненія ему около двухсотъ тысячъ ламаитовъ. Ургинскій худохта пользуется свѣтской властью и состоитъ правителемъ окрестнаго, такъ-называемаго Шабинскаго вѣдомства, со 150-ю тысячами человѣкъ населенія. Онъ отыскивается пророчествомъ далай-ламы.

Послѣ смерти Далай-ламы душа Будды переходитъ въ какого-нибудь младенца, родившагося въ этотъ день; но какого—о томъ рѣ-

шаютъ ламы, съ согласія китайскаго правительства, которое время-отъ времени приглашаетъ въ Пекинъ для совѣщанія наиболѣе вліятельныхъ ламъ; китайскому правительству важно, чтобы далай-лама было лицо малоспособное и непредпріимчивое, ибо оно понимаетъ, что по одному слову далай-ламы вся центральная Азія можетъ подняться, какъ одинъ человѣкъ. Въ этихъ же видахъ сказывается китайское вліяніе и при выборѣ ургинскаго худохты.

Въ Халхѣ хубилгановъ насчитывается свыше 100 человѣкъ. Размноженію ихъ способствуютъ главнымъ образомъ сами ламы, такъ какъ появленіе хубилгана въ монастырѣ подымаетъ его значеніе, привлекаетъ большое количество богомольцевъ, а, слѣдовательно, и пожертвованій.

Въ незначительномъ количествѣ встрѣчаются между ламами цаниты, т.-е. ламы, всецѣло посвятившіе себя изученію обширной ламайской литературы.

Центрами ламайскаго вѣроученія въ Монголіи служатъ монастыри, возникшіе благодаря милостямъ китайскаго императора или благочестію мѣстныхъ князей. Каждый монастырь имѣетъ опредѣленное количество ламъ. У нѣкоторыхъ болѣе состоятельныхъ монастырей имѣются свои земли и шабинары, т.-е. постоянные данники, обязанные содержать своими трудами монастыри, къ которымъ они приписаны. Такіе монастыри нерѣдко представляютъ собою цѣлые города съ тысячами ламъ *).

Религіозные центры монголь называются дацанами; необходимую принадлежность ихъ составляютъ зданія кумирни, ее окружаютъ жилища ламъ, часовни, гостиницы для пріѣзжающихъ, склады и другія постройки, имѣющія религіозное и хозяйственное значеніе. Внутреннюю обстановку кумирни составляетъ жертвенникъ со множествомъ сосудовъ, бурханы, т.-е. изображеніе божества или знаменитыхъ ламъ, священныя книги и музыкальные инструменты.

Особенно распространены среди монголь бурханы; они выдѣляются изъ золота, серебра, бронзы, мѣди, дерева, глины, папье-маше и камня. Кромѣ того попадаются рисованные на кожѣ, бумагѣ и полотнѣ. Бурханы цѣнятся очень дорого: въ Маймачинѣ, напримѣръ, малenkій бронзовый бурханъ въ 2—3 вершка стоитъ 10—15 руб.

Молитвы, читаемыя въ кумирняхъ, состоятъ частью изъ словесій Буддѣ, его ученію и духовенству, а частью изъ прошеній, сливаю-

---

*) Арендные доходы монастырей нерѣдко находятся въ рукахъ китайскихъ банкировъ, которые накладываютъ по 36% на долговья ихъ обязательства.

щихся въ одномъ желаніи: достигнуть состоянія Будды. Особая сила приписывается многократному повторенію таинственной молитвы „омъ мани падме гумъ“, точный смыслъ которой никому не извѣстенъ. При чтеніи ламами священныхъ книгъ все сводится къ тому, чтобы прочитывать какъ можно больше, хотя бы безъ пониманія смысла прочитаннаго. Прежде чѣмъ начать чтеніе, ламы дѣлятъ между собою листы книгъ, такъ какъ книги ихъ состоятъ изъ несшитыхъ листовъ, завернутыхъ въ матерію, затѣмъ моютъ руки, полощатъ ротъ и начинаютъ всѣ сразу читать нараспѣвъ; каждый лама старается какъ можно скорѣе прочитать свой листокъ и тогда помогаетъ отставшему. Чтеніе это представляетъ такой гулъ голосовъ, что даже знатокъ языка ничего не можетъ разобрать. Во время ламайскаго служенія простолюдины, сзываемые на молитвы звуками особой раковины, не имѣютъ права входить въ кумирню, а ограничиваются битьемъ земныхъ поклоновъ или круженіемъ вокругъ кумирни.

Особеннымъ значеніемъ пользуется у ламаитовъ праздникъ Цамъ.

Устраивается онъ ламами съ цѣлью устрашенія враговъ ламайской вѣры *) и состоитъ изъ пантомимическаго представленія и плясокъ, въ которыхъ участвуютъ ламы, изображающіе съ помощью особыхъ масокъ и костюмовъ грозныя божества (докиштовъ) въ томъ видѣ, въ какомъ эти послѣднія представляются во снѣ или въ созерцаніяхъ святымъ ламамъ.

Кромѣ этого у монголъ существуетъ древній обычай чествовать обоны. Обонами называются курганы или просто груды камней, съ поставленными на нихъ и покрытыми надписями столбами.

Чествованія эти бывають лѣтомъ и имѣютъ цѣлью умилоствити злыхъ духовъ, которые въ лѣтніе дни спускаются на землю и несутъ всякія несчастія, болѣзни, неурожаи, падежи скота и пр.

Къ содѣйствию ламъ монголы прибѣгають во всѣхъ трудныхъ и торжественныхъ случаяхъ жизни и не начинаютъ никакого серьезнаго дѣла иначе, какъ въ опредѣленный ламой часъ, который узнается по книгамъ. Всѣ труды ламъ щедро оплачиваются, при чемъ расходъ на религіозныя нужды производится не только деньгами, но и натурой—сыромъ, масломъ, животными и колеблется отъ 20 коп. до 10 руб. ежегодно на семью.

Со званіемъ ламы изъ-давна въ Монголіи соединяется и званіе

---

*) На стан. Куй, первой отъ Кяхты къ Ургѣ, имѣется равное мѣсто, пространствомъ до 30 верстъ, гдѣ во время праздника „Цамъ“ устраиваются скачки.

врача. Искусство врачеванія поставлено у нихъ на эмпирическую почву, при чемъ лѣкарства берутся изъ всѣхъ царствъ природы, особенно же изъ царства растительнаго. Но нерѣдко между такими врачами встрѣчаются люди, совершенно не свѣдующіе въ медицинѣ и все свое лѣченіе основывающіе на почвѣ суевѣрія, предрасудковъ и полного невѣжества *).

Такимъ образомъ, ламы являются настоящими хозяевами страны; все, что есть лучшаго у монгола, охотно отдается ламамъ, и богатые монастыри и кумирни, всюду встрѣчающіеся въ странѣ, служатъ прекраснымъ доказательствомъ благотворительности этого народа. Однако, сословіе ламъ составляетъ самую большую язву въ Монголіи, такъ какъ оно живетъ паразитомъ на счетъ остального населенія и своимъ безграничнымъ на него вліяніемъ лишаетъ его возможности выйти изъ ужаснаго невѣжества, въ которомъ оно находится. Китайское же правительство заботливо поддерживааетъ этотъ порядокъ вещей, такъ какъ для него выгоднѣе, конечно, имѣть дѣло съ мирными монастырями ламъ, чѣмъ съ кочевьями своихъ старыхъ враговъ, и управление Монголіей посредствомъ буддизма есть одно изъ самыхъ важныхъ политическихъ соображеній Китая.

Земледѣліе. Земледѣліе въ сѣверо-западной части Монголіи развито слабо и является большею частью какъ подспорье при скотоводческомъ хозяйствѣ.

Причины этому лежатъ въ современныхъ естественно-экономическихъ условіяхъ Монголіи: горномъ ея характерѣ, въ маломъ количествѣ удобныхъ къ сельско-хозяйственной культурѣ земель и неблагоприятномъ климатѣ.

Земледѣліемъ занимаются главнымъ образомъ китайцы и въ очень небольшомъ количествѣ монголы; послѣднее обстоятельство объясняется существованіемъ среди монголь религіознаго предрасудка, по которому задавленные при вспашкѣ земли черви и другія насѣкомыя ложатся на совѣсть монгола и нарушаютъ покой его души.

Что касается китайцевъ, то они, ведя торговлю въ Монголіи, уже давно намѣтили себѣ наиболѣе плодородныя тамъ мѣста; но быстрому развитію ихъ колонизаціи и расширенію земледѣлія мѣшало отсут-

---

*) Такъ, напримѣръ, отъ всякихъ наружныхъ болѣзней даютъ прикладывать мясо, отрѣзанное отъ живого человѣка; отъ желудочной боли—хлѣбъ, пропитанный кровью казненнаго преступника, при тифѣ—человѣческіе сухіе экскременты, при лихорадкахъ—пить человѣческую урину, женское молоко и пр.

ствіе спеціальнихъ статей въ китайскомъ договорномъ положеніи съ Монголіей, которыя разрѣшали бы китайцамъ приобрѣтать монгольскія земли въ собственность подъ свою колонизацію.

Когда же въ 1881 г. былъ назначенъ въ Ургу амбанемъ Си-Чанъ, то онъ представилъ богдыхану особый проектъ объ образованіи земледѣльческихъ колоній по рѣкѣ Селенгѣ и ея притокамъ, чѣмъ и положено было основаніе къ болѣе прочному развитію китайской колонизаціи въ этомъ районѣ.

Въ настоящее время разрѣшена повсемѣстно покупка монгольскихъ земель подъ китайскую колонизацію, при чемъ между китайскимъ правительствомъ и народомъ въ дѣлѣ заселенія и обработки земель, принадлежащихъ монголамъ, существуютъ посредники. Это обыкновенно тѣ же чиновники, люди богатые и оборотливые, которые получаютъ у пекинскаго правительства разрѣшеніе на эксплуатацію извѣстнаго количества земли и затѣмъ продаютъ или отдаютъ въ аренду эту землю по очень дорогой цѣнѣ.

Китайцы въ вопросѣ колонизаціи монгольскихъ земель обладаютъ упорной настойчивостью, и переходъ къ монголамъ участковъ, разъ прибрѣтенныхъ китайцами, обставленъ неимоверными затрудненіями. Такъ, на примѣръ, продажа и сдача въ аренду земли для монголъ расцѣнивается ими разъ въ 25—30 дороже, чѣмъ для китайцевъ.

Китайская земледѣльческая культура въ Монголіи заслуживаетъ глубокаго вниманія, какъ предметъ для сужденія о развитіи тамъ земледѣлія въ будущемъ. Тѣмъ болѣе, что нѣкоторые приемы по обработкѣ и уходу за пашнями перенимаются отъ нихъ и монголами.

Опредѣлить количество десятинъ земли, находящихся въ сѣверо-западной Монголіи подъ культурой зерновыхъ хлѣбовъ, совершенно невозможно, равно какъ и невозможно указать на число хозяйствъ, занимающихся хлѣбопашествомъ.

Большая часть распашныхъ земель расположена отдѣльными небольшими клочками среди выгоновъ или сѣнокосовъ. Сплошныя пашни на сравнительно большомъ разстояніи встрѣчаются рѣдко и принадлежатъ исключительно китайцамъ. Наиболѣе часто располагаются онѣ по долинамъ рѣкъ, и лишь въ районахъ, гдѣ земледѣліе существуетъ уже нѣсколько лѣтъ—онѣ поднимаются на склоны горъ.

Вслѣдствіе сухого климата выпаденіе естественныхъ осадковъ не всегда бываетъ достаточно для полученія хорошаго урожая. Поэтому населеніе въ борьбѣ съ засухой прибѣгаетъ къ искусственному орошенію воздѣлываемыхъ полей.

Устройство орошенія облегчается гористымъ характеромъ страны и изобиліемъ горныхъ ручьевъ. Судя по сохранившимся во многихъ мѣстахъ слѣдамъ древнихъ арыковъ, къ нему прибѣгали и прежде жившіе здѣсь народы въ цѣляхъ полива не только своихъ пашенъ, но и луговъ.

Устраивается орошеніе съ помощью магистральной канавы и болѣе узкихъ отводныхъ, изъ которыхъ вода съ помощью бороздъ, проведенныхъ плугомъ, распределяется по пашнямъ. Вода въ магистральную канаву направляется изъ ближайшей рѣки, течение которой запруживается для этого плотиной изъ камня и лѣса, въ перемежку съ землей; стоятъ эти запруды недорого, такъ какъ матеріаль находится подъ руками, а цѣнится только трудъ; въ рѣдкихъ случаяхъ плотины дѣлаются болѣе капитально.

Магистральная канавы, смотря по величинѣ орошаемой площади и рельефу мѣстности, бываетъ различна; на ровныхъ мѣстахъ онѣ дѣлаются обыкновенно шириною въ полтора аршина а глубиною отъ $\frac{3}{4}$ до 1 аршина, обходятся приблизительно отъ 50 до 100 руб. за одну версту. Болѣе рѣдко встрѣчаются канавы шириною до $1\frac{1}{2}$ сажень и глубиною въ два аршина.

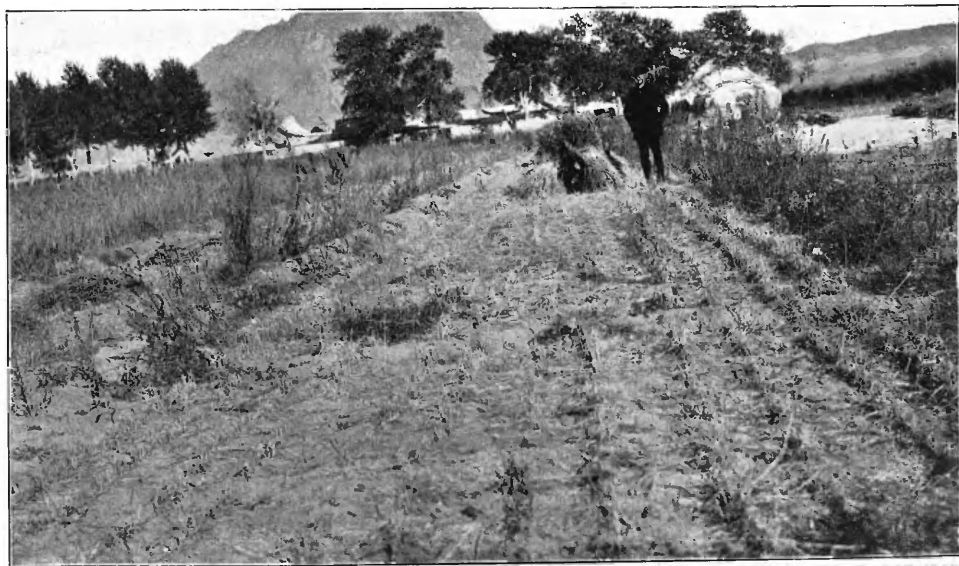
Поля для орошенія разбиваются на четырехугольники (ци), окруженные насыпями для задержанія воды. Орошеніе полей во все время производства тщательно регулируется и продолжается съ половины апрѣля до половины мая, а иногда и до первыхъ чиселъ іюня. Въ рѣдкихъ случаяхъ удается однѣ и тѣ же пашни полить второй разъ, вслѣдствіе отсутствія достаточнаго количества воды въ питающей магистраль рѣкѣ. Поливка производится очередями; въ каждую очередь входитъ нѣсколько хозяевъ, при чемъ работа идетъ днемъ и ночью.

Болѣе половины пашенъ, особенно китайскихъ, находится въ Монголіи подъ поливомъ. Мѣстное населеніе настолько привыкло къ нему, что только и цѣнить тѣ пашни, которыя могутъ быть поливаемы. И дѣйствительно, результаты отъ полива при культурѣ хлѣбовъ получаются поразительные, ибо богатая питательными и минеральными солями здѣшнія почвы остаются бесплодными только до тѣхъ поръ, пока не ороситъ ихъ влага; при соприкосновеніи же съ влагой не только почвы, но и камни покрываются богатой растительностью.

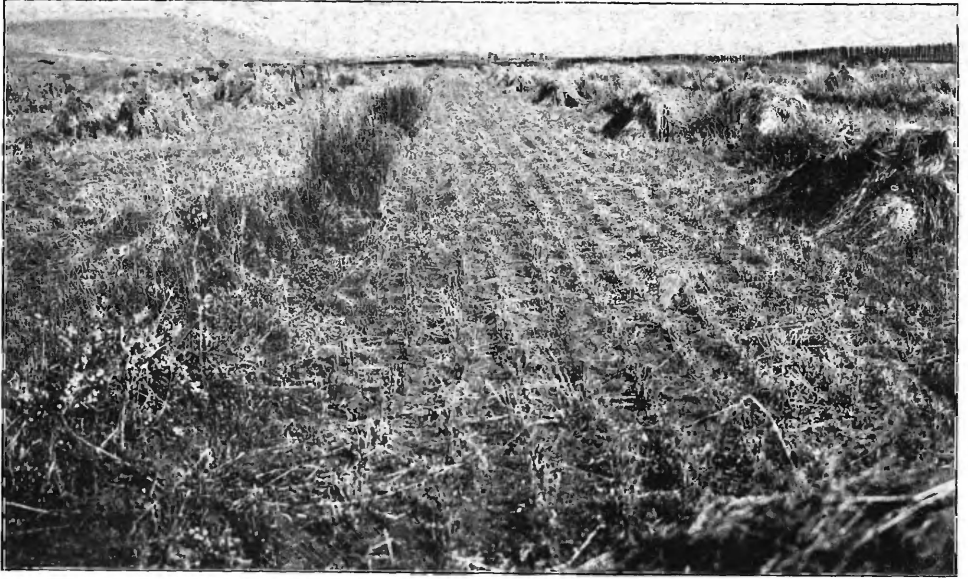
Явленіе это объясняется общеизвѣстнымъ закономъ, что почвы сухихъ странъ плодороднѣе почвъ странъ дождливыхъ, такъ какъ мельчайшія частицы почвъ, наиболѣе подготовленныя для питанія растений, благодаря обильному въ нихъ содержанію различныхъ минеральныхъ

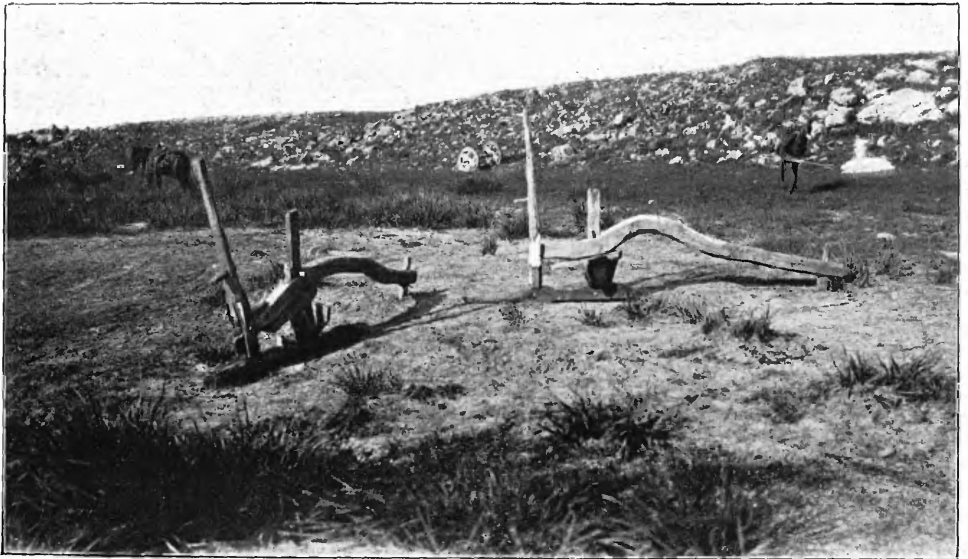
Жатва хлѣба монголами подъ Улясутаемъ.

Монгольскія пашни подъ г. Кобдо.

Уборка пшеницы подъ г. Улясутаемъ.

Монгольскіе плуги.

солей (сѣрно-кислый кали, известковыя, хлористыя и пр.) при частыхъ дождяхъ вымываются изъ почвенныхъ слоевъ въ подпочвенные. Вслѣдствіе этого верхнія почвы лишаются своего плодороднаго слоя, наиболѣе цѣннаго для сельско-хозяйственной культуры, и даютъ меньшій урожай.

Въ сухихъ же странахъ, каковой является Монголія, при недостаткѣ влаги почвы, наоборотъ, страдаютъ избыткомъ солей, т.-е, избыткомъ питательныхъ средствъ для растеній, почему при примѣненіи къ нимъ искусственнаго орошенія соли эти растворяются и даютъ почвамъ то плодородіе, которое такъ поражаетъ на монгольскихъ поливныхъ пашняхъ.

Лишь этимъ закономъ и можно объяснить то явленіе, что въ сѣверо-западной Монголіи при всемъ ея неблагоприятномъ и суровомъ климатѣ урожаи хлѣбовъ при поливѣ, какъ по количеству сбора съ десятины, такъ и по высокому своему качеству являются нерѣдко выдающимися.

Наиболѣе постоянные урожаи получаютъ здѣсь съ суглинистыхъ темныхъ почвъ. Въ дождливые годы лучшіе урожаи даютъ супеси и и чернѣй иловатѣй мелкоземъ; въ засуху же, напротивъ, они даютъ наихудшій урожай, такъ какъ хлѣбъ на нихъ выгораетъ; кромѣ того, мелкоземъ въ засуху распыляется и разносится вѣтромъ, что особенно характерно для Селенгинской долины.

Лучше всего засуху переносятъ хлѣба, посѣянные на суглинкахъ по склонамъ горъ у лѣсныхъ опушекъ, такъ какъ почвы эти хорошо задерживаютъ влагу; наоборотъ, суглинки и солончаковыя почвы долинъ даютъ въ засуху безъ полива мало удовлетворительные результаты. Ихъ распахиваютъ въ очень небольшомъ количествѣ и только по нуждѣ.

По свидѣтельству монголъ, урожаи хлѣбовъ на земляхъ, распахиваемыхъ нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, падаютъ; поэтому монголы послѣ 3—4 лѣтъ распашки, оставляютъ свои поля на отдыхъ въ залежъ на 6—10 лѣтъ, хотя полнаго возстановленія плодородія за эти сроки не достигается. Оставлять же залежъ на болѣе долгіе сроки монголъ не можетъ потому, что кочевой бытъ его препятствуетъ расширенію запасовъ въ другихъ мѣстахъ: монголы не привыкли оберегать посѣвы отъ травъ, и часто ихъ собственныя стада, вытравливая посѣвы на глазахъ пастуховъ, лишаютъ хозяина урожая.

Китайцы же, напротивъ, примѣняя на своихъ поляхъ орошеніе, удобреніе навозомъ и кампостомъ и междурядную обработку посѣвовъ,

заводятъ среди камней богатые нивы и огороды и десятками лѣтъ воздѣлываютъ однѣ и тѣ же пашни безъ замѣтнаго на нихъ пониженія урожаевъ. Но зато разница въ уходѣ за своими полями между монголами и китайцами огромная.

Въ то время, какъ первый бываетъ на своей пашнѣ только въ дни посѣва и уборки, китаецъ все время проводитъ за орошеніемъ своего поля и очищеніемъ его отъ сорныхъ травъ.

Такимъ образомъ, земледѣліе въ Монголіи представляетъ изъ себя рѣдкій примѣръ одновременнаго существованія рядомъ двухъ такихъ системъ полеводства, изъ которыхъ одна—залежная, практикуемая главнымъ образомъ монголами, является почти начальной формой земледѣлія, а другая—вольная, представляя высшую ступень сельско-хозяйственной культуры, примѣняется преимущественно китайцами.

Но китайская вольная система, являясь въ высшей степени интенсивной, сводится почти исключительно къ громадной затратѣ ручного труда и къ очень незначительной затратѣ капитала на постройки, орудія обработки, покупку рогатаго скота и пр.,—такъ что китайцы, несмотря на громадный запасъ въ странѣ лошадиныхъ силъ, благодаря своей косности, продолжаютъ дѣлать ручнымъ способомъ и съ большой затратой личныхъ силъ всѣ тѣ работы, которыя на Западѣ исполняютъ машины или животные.

Какъ китайцы, такъ и монголы занимаются воздѣлываніемъ главнымъ образомъ слѣдующихъ растений: просо, ячмень, пшеница, овесъ, горохъ и бобы. Пшеница хорошая, имѣетъ крупное тяжелое зерно, съ большимъ процентомъ бѣлка, что объясняется сухостью климата, сизо-сѣраго цвѣта, съ зеленоватымъ отливомъ. Овесъ обыкновенный, подходящий къ высѣваемому въ европейской Россіи. Ячмень четырехрядный. Пшеницу и ячмень сѣютъ главнымъ образомъ китайцы и осѣдлые монголы, а овесъ и просо—кочевые и занимающіеся извознымъ промысломъ.

Обработка и вспашка земли у китайцевъ различна, въ зависимости отъ характера воздѣлываемой почвы, орудій обработки, количества рабочаго скота, возраста пашни и, наконецъ, назначенія ея, но всегда отличается большой тщательностью.

Самую сложную обработку требуетъ просо. Поле вспахиваютъ подъ него съ осени, т.-е. въ концѣ августа или началѣ сентября деревянной сохой съ желѣзнымъ наконечникомъ. Въ соху запрягаютъ одинъ, два и три воловъ, смотря по грунту. Эта первая вспашка должна разбить старыя гряды и сдѣлать поле ровнымъ. Черезъ двѣ недѣли

производится вторая вспашка, и дѣлаются гряды на мѣстахъ бывшихъ междугрядій. Весною по этимъ грядамъ проводятъ лишь небольшой деревянной сохой канавки, въ которыя и высѣваютъ сѣмена проса. Полютъ и пропахиваютъ въ лѣто четыре и болѣе разъ, смотря по развитію сорной растительности. Подъ овесъ, ячмень и пшеницу пашутъ одинъ или два раза, какъ удастся. Если два раза—то первый разъ пашутъ осенью и тогда же дѣлаютъ гряды; весною по этимъ грядамъ проводятъ канавки и высѣваютъ сѣмена. Если же пахать приходится одинъ разъ, весною—то сразу же дѣлаютъ гряды и сѣютъ. Мотыжатъ хлѣба въ лѣто два или нѣсколько разъ. Подъ бобовыя растенія пашутъ весною одинъ разъ и сейчасъ же сѣютъ. Полка и пропахиваніе обязательны. Сортировки и подготовки сѣмянъ къ посѣву нигдѣ не практикуется, чѣмъ и объясняется громадная засоренность монгольскихъ полей.

Существованія опредѣленнаго сѣвооборота установить не удалось, такъ какъ каждый хозяинъ при производствѣ посѣва руководствуется почти исключительно своими экономическими соображеніями, а также мѣстоположеніемъ своего участка, но все-таки воздѣлываніе растеній не лишено принциповъ сѣвооборота. Такъ одно и то же растеніе никогда не сѣется два года подъ*рядъ на томъ же мѣстѣ и бобовыя всегда чередуются со злаковыми, на цѣлину высѣвается пшеница, а передъ оставленіемъ пашни въ залежь—овесъ или ячмень.

Начало посѣва хлѣбныхъ и бобовыхъ приурочивается къ концу апрѣля или первымъ числамъ мая; просо высѣваютъ не ранѣе конца мая или даже въ началѣ іюня. По вычисленію на десятину *) высѣваютъ овса и ячменя 4 пуда, бобовъ—3 пуда, проса около 30—40 фунтовъ, при чемъ на нови и на долголѣтнихъ залежахъ высѣвается сѣмянъ на 1/4 меньше противъ цѣлины.

Посѣвы обыкновенно укатываются каменными катками для предохраненія почвы отъ распыленія.

Врагами земледѣлія являются мыши, саранча, сильное развитіе сорной растительности, пораженіе злаковъ грибными болѣзнями, засухи во время роста и частые дожди во время уборки.

Урожайность при вольной системѣ, благодаря примѣненію междугрядной обработки, болѣе обезпечивается, чѣмъ при залежной, гдѣ

*) Китайскій дашанъ равняется $\frac{1}{12}$ дес. т.-е. 194 $\frac{2}{3}$ кв. саж.

„ сяшанъ „ $\frac{1}{24}$ „ „ 97 $\frac{1}{3}$ кв. саж.

На 1 шанъ высѣваютъ 75 цзинь, т.-е. 105 фун., слѣдовательно, на одну десятину—4 п. Мѣшокъ зерна вѣситъ 100 цзинь или 3 п. 24 ф.

уходъ и обработка полей въ періодъ роста хлѣбовъ отсутствуютъ.

Самымъ раннимъ по созрѣванію является ячмень—въ концѣ іюля; затѣмъ слѣдуютъ пшеница, овесъ и просо. Срокъ окончанія уборки зависитъ какъ отъ климатическихъ, такъ и хозяйственныхъ условій, т.-е. количества рабочихъ рукъ, и затягивается иногда до первой половины сентября.

Убираютъ хлѣбъ какъ поденно, такъ и сдѣльно, ручными косами. Поденнымъ при уборкѣ платятъ по одному чаю, т.-е. 65 коп. Монголы же часто не убираютъ хлѣбъ, а вырываютъ его съ корнями. Кладка сноповъ разнообразна, но чаще встрѣчается бабками.

Молотьба начинается лишь съ октября мѣсяца при помощи каменныхъ катковъ въ $1\frac{3}{4}$ аршина длиною.

Отвѣнное лопатой на вѣтеръ зерно просѣвается черезъ простое рѣшето, сдѣланное изъ кожи и волоса. Засоренность его порядочная; больше всего въ зернѣ попадаетъ сѣмянъ вьюнка, морковника и куколя.

Солома, какъ просяная, такъ и хлѣбная, въ большинствѣ случаевъ скармливается скоту.

Насколько удалось установить, въ сѣверо-западной части Монголіи земледѣліе въ настоящее время развито въ слѣдующихъ мѣстахъ:

По правому и лѣвому берегу рѣки Селенги расположены значительныя площади китайскихъ и монгольскихъ пашень, орошаемыхъ въ большинствѣ случаевъ арыками *).

По долинѣ рѣки Хары, по Ургинскому тракту, гдѣ китайскіе посѣвы растянулись на 25 верстъ, пашень очень много, частью поливныхъ. Въ этомъ году проводятъ еще новый арыкъ. Рабочими являются, главнымъ образомъ, монголы; сѣютъ почти исключительно пшеницу.

По длинѣ рѣки Шарынгола на протяженіи 24 верстъ идутъ арычныя пашни китайцевъ, пришедшихъ изъ-подъ Калгана еще 14 лѣтъ назадъ. Земли взяты въ аренду у князя; монголамъ же въ пользованіе оставлены каменные сопки. Въ арыкѣ взята вся вода изъ рѣки Баинголъ и на арыкахъ построено 15 китайскихъ мукомольныхъ мельницъ. За площадь разсѣва въ 120 мѣшковъ платятъ 320 ланнъ аренды. Урожай самъ 8—12. Сѣютъ преимущественно пшеницу, овесъ, ячмень—въ концѣ апрѣля или началѣ мая; хлѣба рѣдки и засорены.

---

*) Техника канавъ примитивна, стоимость работы одной продольной сажени въ 5 четвертей ширины и 1 аршинъ глубины обходится здѣсь отъ 25—30 коп. Одинъ рабочий въ теченіе дня роетъ двѣ продольныя сажени.

За рѣкою Хануйголь поливныя пашни монголь; сѣютъ пшеницу и ячмень. Тутъ же хорошіе покосы.

По рѣкѣ Баротаю на 20 верстъ тянутся китайскія поливныя пашни. Сѣютъ пшеницу, просо и ячмень.

Арыки идутъ подъ горой. Въ общемъ засѣяно было въ 1910 г. около 5,000 десятинъ; монгольскихъ пашень очень мало, и монголы здѣсь живутъ бѣдно.

По рѣкѣ Орхону, на западъ отъ переправы на Ванъ-Курень встрѣчаются монгольскія пашни. Подъ вліяніемъ падежей скота за послѣдніе годы многіе монголы стали здѣсь заниматься хлѣбопашествомъ и совершенно оставили кочевой образъ жизни.

По рѣкѣ Эгинъ-Голу и его притокамъ имѣются монгольскіе посѣвы пшеницы, ячменя, овса и проса. По почвеннымъ условіямъ въ этихъ мѣстахъ имѣются всѣ данныя къ дальнѣйшему расширенію хлѣбопашества.

На правомъ берегу рѣки Селенги у уртона Барту много монгольскихъ пашень. Засѣваютъ просомъ, меньше пшеницей и овсомъ.

При впаденіи рѣки Аръ-Тель посѣвы хороши—пшеница, ячмень и просо; также богаты покосы по сѣверному склону горъ. (На этомъ мѣстѣ бійскіе купцы переходятъ съ лошадьми на Благовѣщенскъ, а также пріѣзжаютъ ловить рыбу, главнымъ образомъ, осетровъ (величиною въ два и три аршина).

На юго-востокъ отъ хуреня Зунъ-Сагунъ имѣются монгольскія пашни пшеницы. Посѣвы хорошіе и не засоренные. При уборкѣ здѣсь пшеницу не косятъ, а дергаютъ изъ земли съ корнемъ.

Земли по рѣкамъ Крану, Кабе и ихъ притокамъ отличаются высокимъ плодородіемъ, являясь житницей для этого края. Кромѣ пшеницы, овса, ячменя, проса и всевозможныхъ бобовыхъ, здѣсь высеивался въ большомъ количествѣ макъ до запрещенія куренія опиума въ Китаѣ.

По теченію рѣкъ Иро, Байнъ-Голь и Хара-Голь расположено много китайскихъ хуторовъ съ обширными пашнями. Китайскимъ приказомъ въ 1845 г. китайскіе земледѣльцы получили здѣсь лишь небольшіе участки земли для земледѣлія, безъ права расширенія ихъ; но благодаря взяточничеству среди китайскихъ чиновниковъ, площадь этихъ пашень постепенно разрастается и въ настоящее время занимаетъ огромное пространство.

Въ 30-ти верстахъ отъ Ургинскаго тракта (100 вер., отъ Кяхты) вверхъ по теченію рѣки Иро имѣется земледѣльческая колонія русскаго

купца Карнакова, арендующаго землю у монголь. Сбыть земледѣльческихъ продуктовъ, благодаря близости къ Кяхтѣ и золотымъ приискамъ, вполнѣ обезпеченъ; но большое препятствіе является со стороны существующихъ китайскихъ узаконеній, касающихся землепользованія въ Монголіи (раньше Карнаковъ имѣлъ стеариновый заводъ, но въ 1897 г., послѣ китайскаго возстанія, закрылъ его).

Подъ городомъ Улясутаемъ имѣется около 100 десятинъ пашень, расположенныхъ со стороны западной части города, главнымъ образомъ по рѣкѣ Богдоинь. Земля обрабатывается китайцами, а для уборки хлѣба нанимаются монголы. Пашни всѣ поливныя, сѣютъ исключительно ячмень, овесъ и пшеницу. Урожай бываетъ обыкновенно самъ-10—12, а въ этомъ году (1910) овесъ далъ самъ-35. При пашняхъ имѣются китайскіе хутора, рядомъ съ которыми располагаются огороды, снабжающіе Улясутай разнообразной зеленью. Урожай на огородахъ, благодаря поливу и хорошему уходу, богатый. Кромѣ того огородничествомъ занимаются въ своихъ усадьбахъ многіе жители Улясутайской крѣпости, расположенной въ 2—3 верстахъ на востокъ отъ города.

Около города Кобдо въ 15-ти верстахъ большія пространства заняты китайскими казенными пашнями. Всѣ пашни раздѣлены на 10 участковъ, обрабатываемыхъ каждый извѣстнымъ количествомъ рабочихъ—отъ 25 до 30 человекъ. Рабочими являются по преимуществу монголы. Воздѣлывается, главнымъ образомъ, яровая пшеница, дающая здѣсь урожай самъ 16.

Подъ самымъ же городомъ имѣются поливные огороды, принадлежащіе китайскимъ отставнымъ солдатамъ. Въ огородахъ встрѣчаются морковь, брюква, китайская капуста (байцай), китайскіе огурцы, кольраби, тыквы, петрушка, лукъ, чеснокъ и очень мелкій картофель. Характернымъ явленіемъ здѣшнихъ огородовъ служитъ ихъ малая засоренность, вслѣдствіе сухости климата, что замѣтно облегчаетъ уходъ за овощами.

Вообще огородничество въ Сѣверной Монголіи имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ, особенно при примѣненіи искусственнаго орошенія. Уже и теперь, не только въ южной части района—Кобдо и Улясутаѣ, но и на сѣверѣ, напримѣръ, въ Кяхтинскомъ маймаченѣ,—китайскіе огороды заполняютъ своими продуктами базары Троицко-Савска. Съ усиленіемъ же китайской колонизаціи продукты китайскихъ огородовъ быстро появятся на всѣхъ рынкахъ нашихъ дальне-восточныхъ городовъ.

По собраннымъ свѣдѣніямъ отъ китайцевъ, монголь и русскихъ хошунныхъ торговцевъ, стоимость производства одного пуда зерна

различныхъ хлѣбовъ, урожайность и доходъ съ 1-й десятины посѣвовъ выражается такъ:

Расходъ на годовой урожай съ одной десятины пшеницы, овса и ячменя.

	На цѣлинѣ.	На мякоти.
Аренда	3 р.	2 р.
Обработка	20 „	10 „
Сѣмена и посѣвъ	20 „	20 „
Уборка	14 „	13 „
Молотьба	7 „	7 „
Пропашка	7 „	7 „
Итого	71 р.	59 р.

Расходъ на годовой урожай съ одной десятины проса.

	На цѣлинѣ.	На мякоти.
Аренда	3 р.	2 р.
Обработка	20 „	10 „
Сѣмена и посѣвъ	12 „	12 „
Уборка	14 „	13 „
Молотьба	7 „	7 „
Пропашка	7 „	7 „
Итого	63 р.	51 р.

Средній урожай съ одной десятины.

	На цѣлинѣ.	На мякоти.
Пшеница	70 пудовъ	50 пудовъ
Ячмень	75 „	60 „
Овесъ	90 „	65 „
Просо	60 „	40 „

Продажныя цѣны *) въ 1910 г. такія:

Пшеница	2 руб. 50 коп.
Ячмень	2 „ 50 „
Овесъ	3 „ — „
Просо	3 „ — „

*) Цѣна на хлѣба и количество урожая съ десятины приведены среднія. Но въ 1910 г. овесъ, напримѣръ, возлѣ Улясутая далъ до 200 пудовъ на десятинѣ, а цѣны на него стояли 3 р. 75 к. пудъ.

Итого съ одной десятины валового дохода:

	На цѣлинѣ.	На мягкой землѣ.
Пшеница	175 р. — к.	125 р.
Ячмень	187 „ 50 „	150 „
Овесъ	270 „ — „	195 „
Просо	180 „ — „	120 „

Итого съ одной десятины чистаго дохода:

	На цѣлинѣ.	На мягкой землѣ.
Пшеница	104 р. — к.	66 р.
Ячмень	116 „ 50 „	91 „
Овесъ	199 „ — „	136 „
Просо	117 „ — „	69 „

Въ заключеніе надо сказать, что земли, вполне пригодной для земледѣлія, имѣется въ сѣверо-западной Монголіи не менѣе 10%, отъ всей ея территоріи, но величина площади распашныхъ земель не занимаетъ въ настоящее время и 1% отъ всей площади, пригодной для земледѣлія.

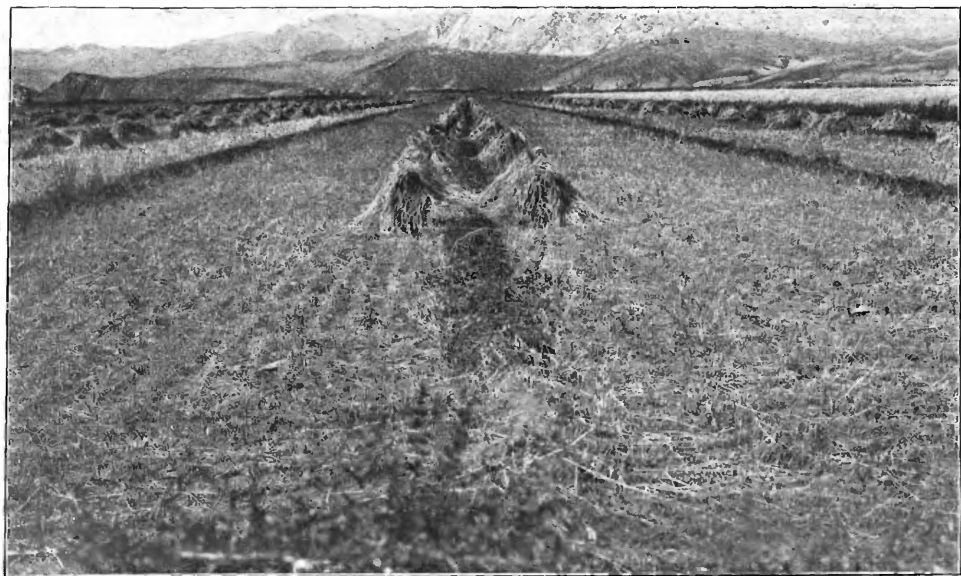
Принимая же во вниманіе громадную территорію въ 333 милліона десятинъ, занимаемую Монголіей, и допуская теоретически лишь одну десятую ея площади, т.-е. 30 милліоновъ десятинъ, пригодной для земледѣлія и оставляя 300 милліоновъ десятинъ подъ скотоводство, очевидно, какими громадными ресурсами обладаетъ эта страна въ потенциальномъ состояніи.

Трудно даже представить развитіе экономической жизни въ Монголіи въ ближайшемъ будущемъ, но, во всякомъ случаѣ, при расширеніи и развитіи здѣсь земледѣльческой культуры, съ введеніемъ орошенія въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, а также земледѣльческой техники и примѣненія засухоустойчивыхъ сортовъ посѣвныхъ сѣмянъ и агрономическихъ знаній—создадутся новыя формы экономической жизни и откроется широкая перспектива для торговой жизни въ этой странѣ.

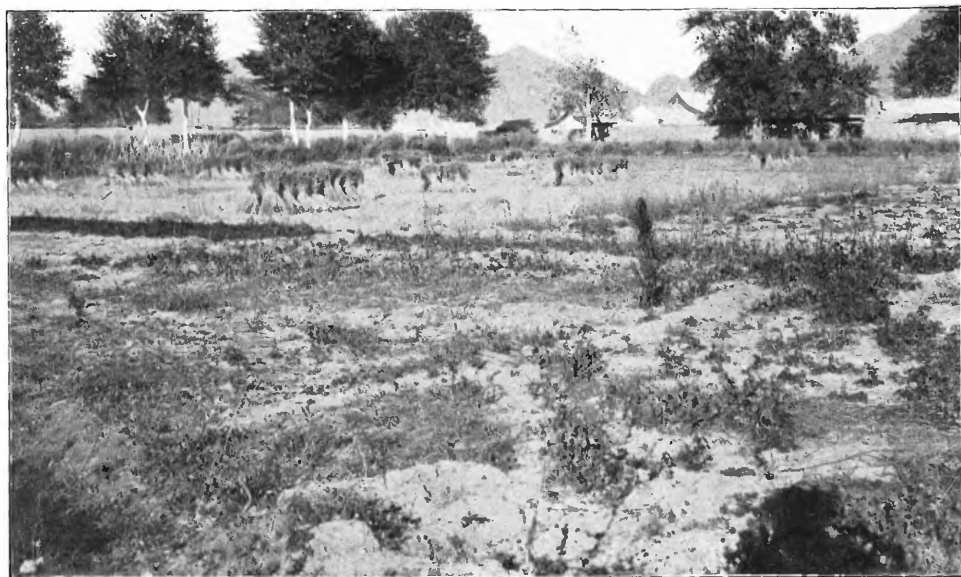
Поэтому ближайшей практической задачей современныхъ дѣятелей на экономическомъ и торгово-промышленномъ поприщѣ должно быть:

Во-первыхъ, изученіе существующихъ въ настоящее время системъ орошенія въ Монголіи.

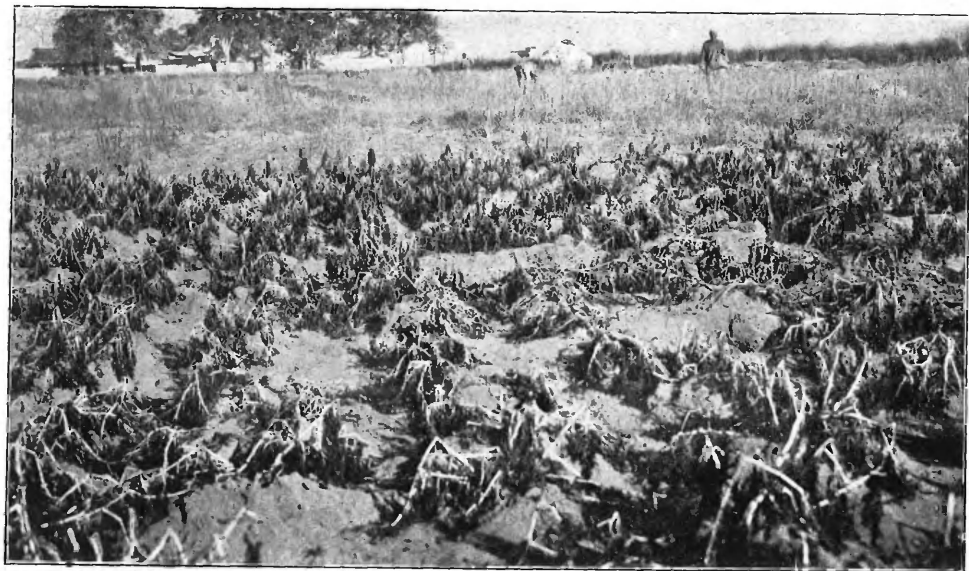
Во-вторыхъ, изученіе древнихъ системъ орошенія по сохранившимся арыкамъ.

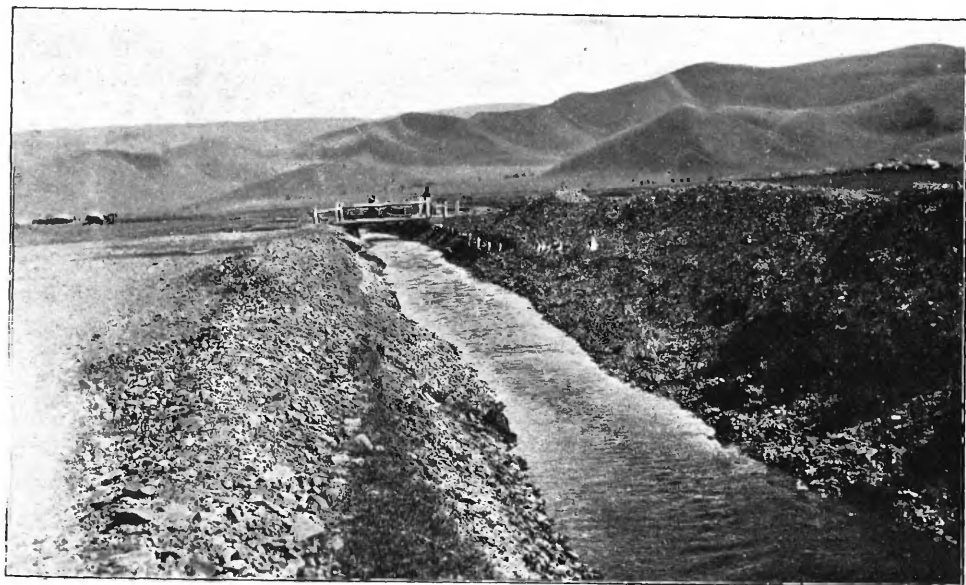
Уборка пшеницы съ китайскихъ пашень подъ Улясутаемъ.

Китайскія поливныя пашни подъ г. Кобдо.

Огороды китайцевъ подъ г. Кобдо.

Арыкъ по долинь р. Баратая.

Въ-третьихъ, опыты примѣненія новѣйшихъ научныхъ положеній гидротехники къ существующимъ системамъ орошенія.

Въ-четвертыхъ, созданіе и распространеніе засухоустойчивыхъ сортовъ хлѣбныхъ растений.

Все это вмѣстѣ дастъ возможность использовать въ совершенствѣ для сельско-хозяйственныхъ цѣлей пропадающій теперь даромъ водной кругооборотъ и направить силы его на образованіе богатствъ изъ нѣдръ земли.

Главной отраслью монгольскаго скотоводства является овцеводство. Благодаря разнообразію доставляемыхъ имъ для монгольскаго хозяйства продуктовъ, оно составляетъ, можно сказать, фундаментъ кочевого быта.

Овцевод-
ство.

Когда въ Монголіи въ степи господствовало натуральное хозяйство, всѣ виды скота оцѣнивались овцою; со вторженіемъ же въ монгольское хозяйство денежнаго обращенія и переходомъ торговли къ современнымъ ея видамъ,—значеніе овцеводства, благодаря высокому пищевому достоинству баранины и усиленному спросу на шерсть, увеличилось еще болѣе.

Продукты фабричнаго производства многихъ странъ проникаютъ въ данное время въ самыя отдаленныя мѣста Монголіи, гдѣ только живетъ монголъ, и успѣли сдѣлаться для него предметами первой необходимости. Для удовлетворенія этихъ создавшихся потребностей монголъ добываетъ деньги или серебро чаще всего и удобнѣе всего продажей овецъ, какъ мелкой и цѣнной на рынкѣ единицы скота. Она же доставляетъ ему драгоцѣнный матеріалъ для питанія въ видѣ мяса и молока, а также шерсть для одежды, жилища (юрты) и различныхъ хозяйственныхъ вещей вродѣ потниковъ подъ сѣдла, подкладокъ на плечи вьючнымъ верблюдамъ, войлоковъ и пр., и, наконецъ, необходимое топливо въ степи.

Если же ко всѣмъ ея разнообразнымъ достоинствамъ прибавить дешевизну содержанія ея при монгольскомъ уходѣ, то станетъ само собою понятно, почему въ Монголіи овцеводство преобладаетъ надъ всѣми видами скота.

За отсутствіемъ статистики въ Монголіи, установить на мѣстѣ численный составъ овцеводства какъ всей страны, такъ въ среднемъ и на одно монгольское хозяйство, не представляется возможности. Въ монгольскихъ княжескихъ управленіяхъ, очевидно, имѣются свѣдѣнія о количественномъ составѣ стадъ монгольскихъ хозяйствъ по хошунамъ для податной системы. Но эти свѣдѣнія составляютъ тайну, и посто-

роннимъ лицамъ получить ихъ является весьма затруднительнымъ. Добыть же свѣдѣнія о количествѣ скота путемъ разспросовъ отъ самихъ монголовъ—невозможно, вслѣдствіе предразсудка, запрещающаго имъ сообщать постороннему лицу число и составъ своихъ стадъ. Между тѣмъ для опредѣленія значенія монгольскаго рынка подсчетъ его главнаго ресурса необходимъ.

При наличности статистическихъ данныхъ, количество овецъ въ среднемъ на одно хозяйство опредѣлялось бы простымъ ариѳметическимъ дѣйствіемъ. Въ данномъ же случаѣ за неимѣніемъ цифръ монгольской статистики рѣшить интересующій насъ вопросъ приходится иначе. Работами двухъ экспедицій—Щербины и Кузнецова, стоившихъ русскому правительству многихъ тысячъ рублей, были произведены подворныя статистическія изслѣдованія кочевыхъ хозяйствъ степныхъ областей Западной Сибири. Работы этихъ экспедицій опредѣлили, что среднее количество овецъ на одно хозяйство по губерніямъ и областямъ распредѣляется такъ:

Тобольская губ.	3.	Семипалатинская обл.	28.
Томская губ.	5.	Каркаралинскій у. (Сем. обл.) .	30.
Тургайская обл.	16.	Зайсанскій у. (Сем. обл.) . .	37.
Акмолинская обл.	23.		

Изъ этихъ губерній Семипалатинская область по границѣ всего Зайсанскаго уѣзда прилегаетъ къ Монголіи, а Акмолинская и Тургайская, хотя и не граничатъ съ Монголіей, но также, какъ и Семипалатинская, по своимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ и по характеру степной растительности сходны съ нею и населены преимущественно кочевымъ племенемъ—киргизами, хозяйство и бытъ которыхъ имѣютъ большое сходство съ хозяйствомъ и бытомъ монгола.

Приведенная таблица ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ тѣхъ сибирскихъ губерніяхъ, въ которыхъ преобладаетъ осѣдлое населеніе и площадь лѣсовъ занимаетъ отъ 50—70% всей территоріи, какъ въ Томской и Тобольской, на одно хозяйство въ среднемъ приходится только три и пять овецъ. А тамъ, гдѣ населеніе въ 90% состоитъ изъ кочевниковъ, а лѣса по отношенію степей занимаютъ только 20%, какъ Тургайская область, Акмолинская и Семипалатинская съ уѣздами Каркаралинскимъ и Зайсанскимъ,—тамъ въ среднемъ на одно хозяйство приходится 16, 23, 28, 30, и 37 овецъ.

Повышающееся число овецъ постепенно отъ Тургайской области до Зайсанскаго уѣзда, приходится въ тѣсной связи съ параллельнымъ

увеличеніемъ $\%$ кочевого населенія надъ осѣдлымъ. Въ Каркаралинскомъ уѣздѣ и Зайсанскомъ число овецъ особенно велико, что объясняется громаднымъ $\%$ кочевого населенія въ этихъ уѣздахъ и особенно благопріятными кормами для овцеводства. А такъ какъ климатъ, почвенныя и кормовыя условія Монголіи, какъ уже было сказано, очень сходны съ Зайсанскимъ уѣздомъ, то мы приблизимся къ дѣйствительности, если допустимъ, что количество овецъ въ среднемъ на одно хозяйство Монголіи съ нѣкоторымъ повышеніемъ будетъ приближаться къ Зайсанскому уѣзду, именно въ 40 головъ.

Это количество овецъ совпадаетъ какъ съ приблизительными опредѣленіями нашей экспедиціи, такъ и съ указаніями Баторскаго въ его трудѣ о Монголіи, считающаго въ среднемъ на одно хозяйство 40—50 головъ.

Чтобы опредѣлить возможно точнѣе доходность отъ овцеводства одного монгольскаго хозяйства, наиболѣе правильнымъ будетъ взять его среднюю годовую доходность за 10-лѣтній періодъ. Для того же, чтобы сдѣлать этотъ расчетъ, необходимо прослѣдить ходъ и развитіе приплода отъ 40 овецъ въ теченіе 10 лѣтъ и ихъ продуктивность.

По многочисленнымъ наблюденіямъ и подсчетамъ, произведеннымъ мною надъ составомъ стадъ, какъ въ Монголіи, такъ и въ Киргизскихъ степяхъ Западной Сибири въ теченіе пяти лѣтъ, оказалось, что количество матокъ въ стадѣ монгола колеблется между 60—70 $\%$ отъ всего состава стада, валахи составляютъ 10—13 $\%$, ярки—20—25 $\%$, а бараны—2 $\%$.

На основаніи этого число матокъ можетъ быть выражено въ 60 $\%$ отъ всего состава стада. Ежегодный отходъ ихъ въ 10 $\%$, а рождаемость ягнятъ въ 90 $\%$.

Отходъ ягнятъ до шести-мѣсячнаго возраста опредѣляется въ 20 $\%$, а ежегодный расходъ валаховъ старше шести мѣсяцевъ въ 60 $\%$.

Въ виду того, что монголь предваряетъ падежъ овецъ ихъ рѣзкой и даже потребляетъ въ пищу мясо павшихъ животныхъ, въ вычисленіяхъ принято считать весь 10 $\%$ -ный годовой отходъ овецъ прирѣзанными, а павшими являются только 20 $\%$ изъ общаго числа родившихся ягнятъ, за которыми монголу труднѣе услѣдить, какъ за болѣе мелкой единицей.

Молочность овцы въ удоиный ея періодъ за четыре мѣсяца принята въ четыре ведра. Одно ведро молока оцѣнено въ 50 коп.

Шерстная продуктивность овцы . . . . въ 4 ф. шерсти.

А валаха съ трехъ съ половиной лѣтъ . . „ 5 „ „

Одинъ пудъ шерсти въ 4 рубля.

Убойный вѣсъ ягненка до 6 мѣсяцевъ	15 ф.
„ „ овцы съ 6 до 1 ¹ / ₂ л.	25 „
„ „ „ „ 1 ¹ / ₂ —2 ¹ / ₂ „	30 „
„ „ „ „ 2 ¹ / ₂ —3 ¹ / ₂ „	40 „
„ „ „ „ 3 ¹ / ₂ —4 ¹ / ₂ „	50 „
„ „ „ „ 4 ¹ / ₂ —5 ¹ / ₂ „	60 „
„ „ „ „ 5 ¹ / ₂ —6 ¹ / ₂ „	60 „

Цѣна одного пуда въ 2 руб. 40 коп.

Цѣна овчины рѣзаной взрослой овцы . . . . . 60 коп.

„ „ „ ягненка . . . . . 30 „

„ „ павшаго „ . . . . . 20 „

60⁰/₀ матокъ отъ стада въ 40 головъ составитъ 24 шт.

Изъ произведеннаго учета видно, что монгольское хозяйство въ среднемъ за одинъ годъ въ теченіе 10-лѣтняго періода получаетъ валового дохода отъ овцеводства 237 руб., при чемъ сумма эта составляется изъ такихъ статей: капиталъ въ овцахъ—121 руб. 16 коп., молоко—58 руб. 15 коп., мясо—35 руб. 50 коп., кожи—10 руб. 50 коп. и шерсть—17 руб. 54 коп., а за вычетомъ изъ общей (237 руб.) суммы 121 руб. 16 коп., т.-е. капитала въ овцахъ получимъ 115 руб. 84 коп., что составляетъ на основной капиталъ 95⁰/₀.

Расходъ же монгола на овцеводство выразится только на пастуха, такъ какъ на водопой, кормъ и помѣщеніе монголъ никакихъ тратъ въ теченіе года не производитъ. А такъ какъ пастухи имѣются только у богатыхъ монголъ, да и то главнымъ образомъ свои же подростки, не находящіе на рынкѣ приложенія своего труда, а бѣдняки пасутъ сами, по очереди, соединяя нѣсколько хозяйствъ въ одно, то и расходъ этотъ очень незначителенъ и точному опредѣленію не поддается. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда монголъ поручаетъ пасти овецъ чужому пастуху, то вознагражденіемъ этому послѣднему служить одна овца за лѣтній періодъ и одна овца за зимній періодъ *).

Такимъ образомъ расходъ по уходу за овцеводствомъ не превышаетъ двухъ овецъ, или 5 руб. въ годъ, и, слѣдовательно, чистый доходъ отъ овцеводства опредѣляется не менѣе какъ въ 90⁰/₀.

Въ виду того, что пища монгола состоитъ исключительно изъ чая, молока и мяса и въ теченіе дня на cadaго человѣка приходится молока 1¹/₂ фунта (т.-е. 2¹/₂ стакана), на 2¹/₂ коп., мяса ¹/₄ фунта, на

*) При чемъ пастухъ за пропажу скота не отвѣчаетъ.

1½ коп., и чая 2½ золотника, на ½ коп., то, очевидно, что монголу, за отсутствием других пищевых средств, трудно удѣлить изъ приходящагося ему ежедневно кормового пайка *) какую-либо часть для продажи.

Слѣдовательно, надо признать, что какъ все количество молока, такъ и мяса, доставляемыхъ овцеводствомъ, должно итти на прокормленіе самой семьи, и монголъ изъ этой статьи безъ нарушенія нормальнаго питанія не можетъ оторвать какой-либо части для отчужденія ея на рынокъ.

Средства для этого онъ долженъ черпать изъ суммъ за проданную шерсть и кожи.

Какъ мы выше видѣли, монгольское хозяйство ежегодно получаетъ отъ своего овцеводства 212 фун. шерсти. Изъ этого количества 12 фун. надо отчислить на изготовленіе чулокъ и обуви для семьи, а два пуда на постройку и ежегодный ремонтъ юрты (на юрту идетъ пять пудовъ кочмы и служить она три года). Слѣдовательно, для продажи остается шерсти три пуда на сумму 12 руб.

Затѣмъ отъ продажи кожъ выручается въ годъ 10 руб.

Такимъ образомъ, отъ овцеводства монгольская семья имѣетъ въ годъ для удовлетворенія различныхъ своихъ потребностей, кромѣ питанія, 22 рубля.

Указавъ цифрами на экономическое значеніе овцы въ хозяйствѣ монгола и на ту роль, которую она играетъ въ его бюджетѣ, является интереснымъ прослѣдить жизнь и содержаніе этого въ высшей степени полезнаго животнаго, какъ незамѣнимаго работника для всей монгольской семьи.

Монгольская овца принадлежитъ къ типу короткохвостыхъ, жирнохвостыхъ; ростъ ея большой, до 16 вершковъ, такъ что она является крупнѣе русской крестьянской овцы, но мельче ордынской, разводимой въ степныхъ районахъ юго-восточной Россіи и Западной Сибири. Голова—сухая и меньшая, съ сильно развитыми у барана рогами; носъ узкій и горбатый, туловище хорошо сложенное, покоится на высокихъ сухожилистыхъ ногахъ и заканчивается широкимъ жирнымъ хвостомъ до 10 фунтовъ вѣсу, имѣющимъ, наподобіе каракулевыхъ овецъ, сухой S-образный придатокъ, далеко не доходящій до скакательнаго су-

---

*) Составъ монгольской семьи принимается въ шесть человѣкъ, на одного человѣка въ годъ приходится 961 стаканъ, а въ день 2,6 стакана; мяса въ годъ приходится 96,7 фун., а въ день 0,26 фун.

става. Шерсть грубая, съ небольшимъ подпушкомъ, черепицеобразно спадающая ясно выраженными длинными косицами (до 3½ вершковъ). Основная масть овцы—бѣлая, большею частью съ черными отмѣтинами на шеѣ, бокахъ и у корня хвоста. Чисто бѣлыя овцы встрѣчаются очень рѣдко.

Излюбленными мѣстами этой овцы является чередованіе нагорныхъ пастбищъ съ солончаковыми долинами. Мѣсть же съ сырыми лугами, камышовыми и густыми зарослями она избѣгаетъ.

Система монгольскаго скотоводческаго хозяйства направляется къ тому, чтобы съ возможно меньшей затратой труда на заготовку сухого корма содержать возможно больше скота; поэтому монголь заготавливаетъ кормъ лишь въ очень ограниченномъ количествѣ, на случай крайней нужды, а самъ для прокормленія своихъ стадъ перекочевываетъ постоянно съ одного мѣста на другое. Никакого дѣленія земли на участки не существуетъ, такъ какъ монголы считаютъ, что скотоводствомъ съ успѣхомъ можно заниматься лишь при обширности и разнообразіи кочевыхъ угодій, что при участковомъ пользованіи землею является невозможнымъ. Дѣйствительно, чѣмъ чаще перемѣняетъ монголь свои кочевки, тѣмъ лучше нагуливаются его стада. Кочевки эти происходятъ на разстояніи ½ версты и болѣе въ зависимости отъ окружающаго простора. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ онъ кочуетъ за нѣсколько десятковъ верстъ, когда тамъ оказываются расположенными его лучшія пастбища, при чемъ кочевка эта въ районѣ своего старшинства происходитъ только въ предѣлахъ территоріи, которая временемъ и обычаями закрѣплена за его айлемъ. Перекочевывать же въ сосѣднее старшинство можно только съ разрѣшенія дзангина этого старшинства. Кочевка по этому хошуну разрѣшается княземъ, а переходъ изъ одного хошуна въ другой допускается съ совѣта и согласія между собою князей хошуновъ и бываетъ лишь въ случаяхъ сильныхъ недородовъ въ одномъ изъ сосѣднихъ хошуновъ.

Лѣтнія, а особенно зимнія пастбища cadaго айля отгораживаются отъ сосѣднихъ айлей межами, признаками которыхъ служатъ обыкновенно рѣки, хребты горъ и другія живыя урочища, а также искусственные знаки, какъ ямы и „обо“ (куча камней или хвороста), устроенныя на вершинѣ горъ.

На лѣтникахъ монголы остаются съ начала мая и до октября, при чемъ въ использованіи пастбищъ въ лѣтнее время допускается большая беспечность: очень часто овцы пускаются на пастьбу безъ всякаго присмотра. Единственно на что монголь обращаетъ вниманіе,

это—на количество даваемого овцами молока, почему тѣ пастбища, которыя повышаютъ удой его стада, признаются имъ лучшими и чаще используются.

На лѣтовку монголь выбираетъ обыкновенно широкія, открытыя долины рѣкъ, гдѣ бы было достаточно простора для скота, или же, за неимѣніемъ таковыхъ, кочуетъ къ вершинамъ горъ, гдѣ и остается въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Къ концу же августа, когда наступаютъ холода и вершины горъ покрываются снѣгомъ, онъ возвращается на прежнія мѣста своихъ зимнихъ стойбищъ.

Эти послѣднія, въ цѣляхъ предоставленія стаду большаго затишья устраиваются въ ущельяхъ и поближе къ лѣсу, если таковой есть. Помѣщенія специально для овецъ на этихъ стойбищахъ бываютъ очень рѣдко и устраиваются въ пещерахъ, а гдѣ таковыхъ нѣтъ,—то складываются изъ камней безъ всякой связки глиной или известью, чаще же всего являются просто въ видѣ примитивныхъ загоновъ, обставленныхъ хворостомъ и камышомъ.

Въ такихъ загонахъ овцы, оставаясь на одномъ мѣстѣ въ теченіе всей зимы, накапливаютъ много навоза, рѣдко промерзающаго, который и предохраняетъ животныхъ отъ простуды снизу.

При выборѣ мѣста для зимовокъ главное вниманіе направляется къ тому, чтобы въ составъ ихъ вошли наиболѣе разнообразныя земли въ пастбищномъ отношеніи. А такъ какъ солонцы одинаково необходимы какъ зимою, такъ и лѣтомъ, то зимовки, на которыхъ вблизи съ прѣсными пастбищами имѣются и солончаковыя, особенно цѣнятся. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ солонцовъ вблизи стойбища нѣтъ, монголы привозятъ солончаковую землю и разсыпаютъ ее вокругъ овечьихъ стоянокъ. Характернымъ указаніемъ недостатка солончаковъ служитъ у овцы истеченіе изъ носа, затрудненное дыханіе и измѣненіе формы помета, принимающаго видъ раздѣльныхъ орѣшковъ. Долгая же пастьба на солонцахъ вызываетъ поносъ у ягнятъ и у старыхъ, слабыхъ овецъ.

Использованіе зимнихъ пастбищъ внимательнымъ хозяиномъ-монголомъ ведется отъ худшаго къ лучшему и происходитъ слѣдующимъ образомъ.

Съ выпаденіемъ перваго снѣга устанавливается строгое распределеніе въ использованіи пастбищныхъ угодій не только по мѣсяцамъ и недѣлямъ, но даже днямъ, и находится главнымъ образомъ въ зависимости отъ состоянія погоды.

Такъ, въ началѣ зимы и въ теплые дни стадо гоняютъ на болѣе

отдаленныя пастбища, оставляя ближнія и защищенныя отъ вѣтровъ въ запасъ, на случай непогоды.

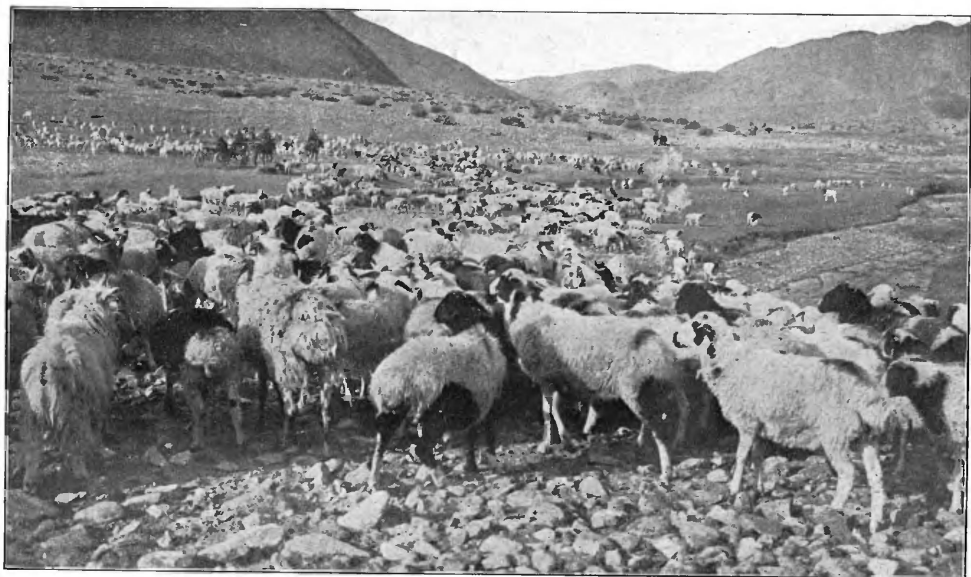
Кромѣ того, такъ какъ овцы могутъ доставать кормъ изъ глубины не болѣе полуаршина рыхлаго снѣга, то раньше всего ими вытравливаютъ равнины, ущелья и такіе склоны горъ, которые потомъ заносятся глубокимъ снѣгомъ и являются недоступными. Къ такимъ мѣстамъ почти всегда относятся сѣверные и сѣверо-восточные склоны горъ, тогда какъ съ южныхъ и юго-восточныхъ склоновъ, а равно и съ равнинъ, расположенныхъ на востокъ и сѣверо-востокъ отъ главныхъ горныхъ хребтовъ, снѣгъ сдувается и ложится на нихъ меньшимъ слоемъ. Такія лишенныя снѣга мѣста являются въ зимнее время для монгола самыми цѣнными угодыями.

При выпаденіи болѣе глубокаго снѣга, что случается чрезвычайно рѣдко, овцамъ каждый день даютъ опредѣленную площадь для выпаса и оставляютъ тамъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не используютъ всего корма, о чемъ судятъ по виду перевероченнаго снѣга. Если снѣгъ слишкомъ уплотнится, то для приведенія его въ рыхлое состояніе монголы выгоняютъ на пастбу сначала табуны лошадей, потомъ рогатый скотъ и верблюдовъ, а на послѣдокъ—овець, изъ которыхъ стада матокъ пускаютъ первыми, затѣмъ слѣдуютъ бараны и валахи.

Величина стада, выгоняемаго на пастбище, опредѣляется наличностью овецъ у cadaго хозяина, потому что каждый монголъ, какъ уже было сказано, пасетъ своихъ животныхъ самъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ стада соединяются и получаютъ общаго пастуха.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда зимою количество овецъ въ стадѣ доходитъ до 100 и болѣе головъ, ихъ разбиваютъ на партіи, по 50 штукъ, такъ какъ, будучи пущены на пастбище въ большомъ количествѣ, онѣ быстро истощаются и падаютъ.

При такой скудости зимняго кормленія овцы къ веснѣ страшно худѣютъ. Истощеніе это обуславливается большой затратой силъ, расходуемыхъ на отысканіе себѣ корма изъ-подъ снѣга, расчистку его и на борьбу съ непогодой—вѣтромъ, морозомъ и сыростью, а также на ежедневные переходы, иногда очень далекіе, до пастбища и обратно. Сухая же, выщелоченная за осень и потерявшая свои питательныя свойства трава не въ состояніи возмѣстить ежедневной потери силъ; поэтому нарушенное въ началѣ зимы равновѣсіе прихода и расхода веществъ въ организмѣ животнаго продолжается до самой весны, при чемъ трата силъ организма, увеличиваясь съ каждымъ днемъ, приводитъ къ тому, что въ буранные дни у овецъ не хватаетъ силъ бороться

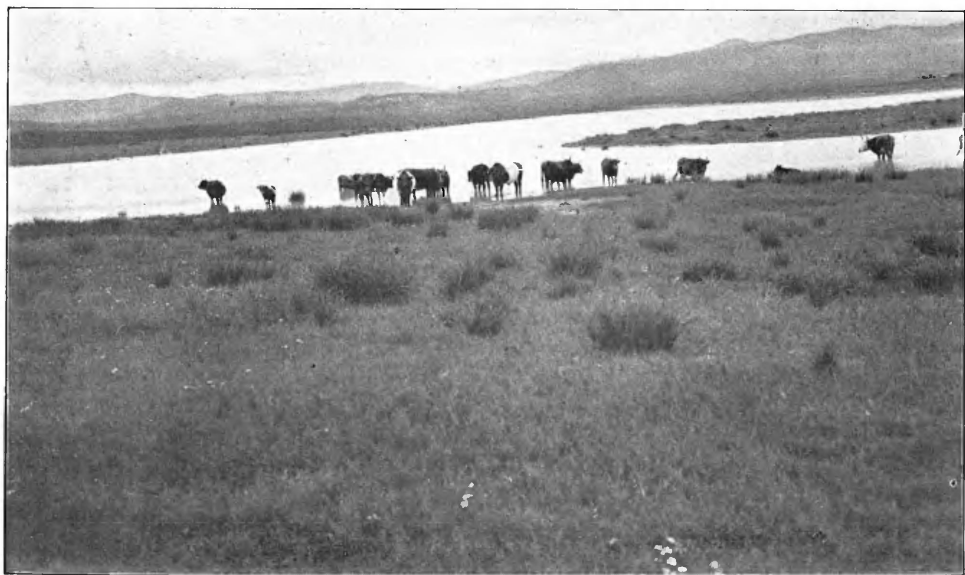
Стадо монгольскихъ овецъ подъ г. Кобдо.

Монгольскія козы съ овцами на пастбищѣ.

Монгольскій скоть по р. Толѣ.

Монгольскій скоть въ степи у озера.

съ жестокими холодами, и цѣлыя стада въ это время гибнуть. „Хороны“, т.-е. земляные валики, до 1½ аршина высотой, и плетни для защиты овецъ и во время бурановъ монголы ставятъ на пастбищахъ рѣдко, да они и не всегда достигаютъ своей цѣли. Въ лучшемъ положеніи находится дѣло у монголовъ, которые на этотъ случай имѣютъ запасныя пастбища, защищенныя отъ вѣтровъ, вблизи зимовокъ, съ хорошимъ невытравленнымъ кормомъ. Такія угодыя въ опасное время являются какъ бы запасами сѣна въ хозяйствѣ и спасаютъ монгола отъ разоренія, грозящаго ему при падежѣ стада.

Чтобы ослабить потерю, сильно исхудавшимъ овцамъ надѣваютъ кошму и, гдѣ есть сѣно, даютъ его въ небольшомъ количествѣ. Если же сѣна нѣтъ, то замѣняютъ его сѣномъ изъ запасовъ. Но все-же истощеніе овецъ къ веснѣ доходитъ до крайней степени.

По Селенгѣ, Эгинь-Голу и другимъ рѣкамъ, гдѣ имѣются хорошіе луга, монголы уже давно занимаются сѣнокошеніемъ. Въ этихъ мѣстахъ зимнее содержаніе овецъ менѣе печально, такъ какъ овцы пасутся только въ теплые дни, а въ большіе холода ихъ подкармливаютъ сѣномъ. Использование сѣна за отсутствіемъ ясель весьма нерационально; его раскидываютъ одинъ или два раза въ день по снѣгу, или же овецъ вмѣстѣ съ другимъ скотомъ просто припускаютъ къ стогамъ.

Поятъ овецъ два раза въ день, а зимою—одинъ, или же совсѣмъ не поятъ. Поятъ изъ рѣкъ и ручьевъ, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, то роютъ колодцы и устраиваютъ ихъ очень примитивнымъ образомъ, безъ всякихъ срубовъ. Въ послѣднихъ вода нерѣдко бываетъ горько-соленая, съ чѣмъ какъ монголы, такъ и ихъ скоть легко мирятся, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ наблюдается поносъ отъ подобныхъ водопоевъ.

Составъ монгольскаго стада, какъ уже было сказано, въ процентномъ отношеніи такой:

Матки 60, ярки 25, валахи 13, бараны 2.

Наибольшій % матокъ въ стадѣ объясняется тѣмъ, что матки, кромѣ шерсти и помета, доставляемыхъ другими видами овецъ, даютъ еще ягненка и молоко, а потому являются наиболѣе доходными статьями.

Валахи въ достаточномъ количествѣ имѣются только въ крупныхъ стадахъ, у среднихъ же монголь, а тѣмъ болѣе бѣдныхъ, они остаются на зиму въ очень ограниченномъ количествѣ или совершенно отсутствуютъ.

Что касается племенныхъ барановъ, то ихъ выбираютъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, при чемъ руководствуются слѣдующими призна-

ками: происхожденіемъ отъ молочной жирнохвостовой овцы, здоровымъ и хорошимъ развитіемъ организма при крѣпкихъ ногахъ и широкомъ хвостѣ и преобладаніемъ въ рунѣ бѣлаго цвѣта шерсти. Только такой ягненокъ, ставши племенникомъ, въ состояніи будетъ передать потомству и закрѣпить въ немъ самыя цѣнныя качества монгольской овцы: выносливость и способность давать здоровое, жирное молоко, вкусное и питательное мясо, крѣпкую шерсть и всю зиму при крайне скудномъ питаніи жить на счетъ своего собственного жира, отложеннаго въ теченіе пастбищнаго періода.

Бонитировки матокъ не существуетъ, и ограничиваются лишь тѣмъ, что вырѣзаютъ больныхъ и старыхъ. Къ рѣзкѣ монголь прибѣгаетъ при всякихъ заболѣваніяхъ овецъ, считая ее лучшимъ лѣкарствомъ, чѣмъ и предупреждаетъ всякое распространеніе повальныхъ болѣзней.

Случка овецъ производится въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцѣ, а ягненіе происходитъ въ февралѣ и мартѣ. Въ случку пускаютъ иногда шести или семи мѣсячныхъ ярокъ. На пастбищѣ во время спуска овецъ имъ предоставляются самыя лучшія мѣста.

Несмотря на то, что ягненіе происходитъ въ февралѣ и мартѣ мѣсяцѣ, никакихъ помѣщеній для ягнятъ и матокъ не существуетъ, почему маленькихъ ягнятъ монголы берутъ въ свои юрты, и только у богатыхъ для этой цѣли ставятся спеціальныя юрты. Холодъ и голодъ, при отсутствіи сѣна и надлежащаго ухода, настолько губительно отражаются въ это время на благополучіи стада, что отходъ ягнятъ иногда достигаетъ 50—90%.

Къ доенію овецъ приступаютъ лишь съ установкой теплой погоды и хорошаго подножнаго корма, когда является возможность пасти ягнятъ отдѣльно отъ доящихся матокъ; въ избѣжаніе высасыванія ими молока доятъ два раза въ день—въ обѣдъ и вечеромъ. Молока даетъ монгольская овца въ день около двухъ стакановъ. Удойный ея періодъ продолжается до четырехъ мѣсяцевъ, и за это время она можетъ дать $3\frac{1}{2}$ — $4\frac{1}{2}$ ведра молока.

Цѣна молока въ городахъ стоитъ 25—30 коп. кварта, т.-е. $2\frac{1}{2}$ —3 рубля ведро. Такія высокія цѣны объясняются трудностью доставки молока въ городъ изъ кочевій въ свѣжемъ видѣ вслѣдствіе отсутствія у монголовъ ледниковъ и организованныхъ перевозокъ. Поэтому цѣна эта не можетъ служить основаніемъ при исчисленіи молочной доходности овцы въ кочевьяхъ, и будетъ болѣе правильнымъ сдѣлать эту оцѣнку по рыночной стоимости масла. Одинъ пудъ монгольскаго

овечьего масла оцѣнивается въ восемь и десять рублей. Изъ 15 пудовъ молока готовится одинъ пудъ масла, такъ что цѣна пуда молока опредѣляется въ 54—66 копеекъ.

Такъ какъ монголы доятъ своихъ овецъ два раза въ день и пасутъ ихъ вмѣстѣ съ ярками и валухами, которыхъ иногда бываетъ въ аилѣ нѣсколько сотенъ, то для дойки нѣсколькихъ матокъ они пригоняютъ къ аилу все стадо въ обѣдъ и вечеромъ.

Такая безцѣльная гоньба стада вредно отражается какъ на самихъ овцахъ, такъ и на безъ нужды вытаптываемомъ пастбищѣ.

Раздѣленіе овецъ на дойныхъ и гулевыхъ и пастьба ихъ въ двухъ стадахъ пастухами всего аила благоприятно отразилась бы на лѣтнемъ нагулѣ валуховъ, ягнятъ и барановъ, что способствовало бы въ свою очередь болѣе легкому перенесенію ими зимы.

Если у монгола является необходимость продать барана или по какому-нибудь поводу заколотъ его лѣтомъ, то онъ въ этихъ случаяхъ старается, въ противоположность русскому кочевнику, рѣзать хорошаго жирнаго валуха, а не ягненка.

Осенью же, когда удои овецъ и рогатаго скота сильно падаетъ, а то и совсѣмъ прекращается, монголъ лишается возможности далѣе питаться молокомъ и принужденъ прибѣгать къ заготовкѣ мяса на зиму, для чего и рѣжетъ старыхъ овецъ, валуховъ и тѣхъ, которые на его взглядъ не выдержатъ зимовки. Баранина употребляется въ вареномъ видѣ или въ жареномъ.

Внутреннее и курдючное сало съѣдается въ сыромъ видѣ или распускается въ чаѣ *).

Кишки идутъ на струны и нитки, а также для приготовленія любимой монголами кровяной колбасы. Въ значительномъ количествѣ соленныя кишки вывозятся и въ Россію. Въ 1909 году черезъ Кяхту вывезено 625 пудовъ на 16,155 рублей, а черезъ Кошъ-Агачъ—10 пудовъ на сумму 260 рублей. На мѣстѣ кишки продаются по цѣнѣ 5—15 копеекъ штука. Овечій обработанный желудокъ замѣняетъ въ хозяйствѣ посуду для храненія масла, сала, молока, кумыса и пр.

Рога употребляются на изготовленіе пороховницъ, посуды для лѣкарствъ и табакерокъ.

Овчины идутъ преимущественно въ продажу. Для себя же мон-

---

*) Сало же отъ павшихъ животныхъ идетъ на освѣщеніе, которое происходитъ такъ: въ чашку съ жидкимъ саломъ впускаютъ скрученную тряпку и одинъ конецъ ея зажигаютъ.

голь выдѣлываетъ изъ нихъ мѣховыя одежды. Въ Россію овечьи кожи вывозятся главнымъ образомъ въ невыдѣланномъ видѣ. Цѣна на мѣстѣ маленькой кожи 30 копеекъ, а взрослой—50—70 коп.

Скупаются онѣ въ январѣ, февралѣ и осенью.

Монгольская овчина вѣситъ легче киргизской и мездрой тоньше. Сушится обыкновенно на солнцѣ, при выдѣлкѣ ломается и не имѣетъ ровной поверхности. Провозъ овчинъ въ Россію изъ Монголіи въ зимнее время, т.-е. съ сентября по май, фактически невозможенъ, такъ какъ безъ дезинфекціи овчины не пропускаются, а замоченныя на карантинѣ *) въ холодное время года плохо высыхаютъ, киснутъ, и мездра на нихъ портится. Сухія овчины пакуются въ тюки, по 60 штукъ, посредствомъ простого пресса. Вѣсъ средней овчины—четыре фунта.

Въ 1909 году черезъ Кяхту изъ Монголіи было вывезено 195,159 штукъ овчинъ на сумму 250,000 руб., а черезъ Кошъ-Агачъ 3,638 пуд., на сумму 30,632 руб.

Овчины въ большомъ количествѣ скупаются въ Ургѣ **), гдѣ происходитъ съ наступленіемъ холодовъ массовый убой овецъ для зимнихъ запасовъ мяса. По достоинству ургинская овчина расцѣнивается ниже кошунной (т.-е. овчины съ кочевій) вслѣдствіе существующаго обычая въ Ургѣ вырѣзать грудинку съ кожей, идущую на приготовленіе излюбленнаго монголами кушанья „керсень“, чѣмъ и уменьшается вѣсъ овчины. Большое количество овчинъ, особенно козьихъ, скупается китайцами въ Ургѣ и направляется въ Калганъ. Начиная отъ г. Тудона (къ югу отъ Урги на 300 верстѣ), все сырье идетъ уже на Калганъ.

Овцы скупаются какъ китайцами, такъ и русскими. Китайцы вслѣдствіе особенности ихъ торговли пріобрѣтаютъ отъ монголовъ овецъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Изъ русскихъ кромѣ хошунныхъ торговцевъ скупаютъ овецъ и скотопромышленники, исключительно на серебро, вслѣдствіе чего и переплачиваютъ на цѣнахъ противъ китайцевъ послѣдніе пріобрѣтаютъ овецъ отъ монголовъ въ счетъ уплаты послѣдними за ранѣ проданные имъ въ долгъ товары.

Русскими купцами овцы скупаются главнымъ образомъ ради сала,

---

*) Поступая въ карантинъ, овчины погружаются въ яму, четыре аршина ширины и два аршина глубины, куда входитъ 1,500 овчинъ. Овчина замачивается въ теченіе одного дня, за что взимается двѣ копейки.

**) При продажѣ овчинъ китайцами, послѣдніе имѣютъ обыкновеніе вкладывать въ 100 штукъ хорошихъ овчинъ двадцать посредственныхъ, поэтому при пріемкѣ ихъ китайцами партія считается лишь за 80 штукъ, русскимъ же сдаютъ полностью.

въ изобилии покрывающаго внутренность барана (до 40 фун. на одной тушѣ).

Большіе гурты овецъ выгоняются также на югъ въ Китай черезъ землю Чахаръ, въ которой дѣлается остановка, такъ какъ переходъ 1,000 верстъ для животныхъ чрезвычайно тяжелъ. Однимъ изъ крупныхъ центровъ по сосредоточенію овецъ въ Чахаріи являются города Лунъ-Танъ и Фынъ-чжень. Въ послѣднихъ собираются кромѣ того большія количества шерсти изъ Монголіи, кожъ и овчинъ, которые затѣмъ сбываются въ Да-тунъ-фу, Тянь-Цзинъ и другія мѣста.

Затѣмъ крупные гурты овецъ направляются китайскими купцами въ городъ Хуху-хото, откуда расходятся въ разныя стороны, особенно въ Пекинъ, Хэ-нанъ и Шань-си. Въ этихъ мѣстахъ есть особыя конторы по покупкѣ овецъ и направленію ихъ дальше. Такія конторы называются Пань-Цза. Самыя богатыя изъ нихъ—пекинскія: Ся-шенъ-хо, Ся-хо-и, Тянь-хо-дэ и Сань-хо-ченъ. Однѣ только эти фирмы выгоняютъ изъ Хуху-хото ежегодно до половины милліона овецъ, да самъ Хуху-хото потребляетъ ихъ не менѣе 200,000 штукъ. Кромѣ того черезъ Хуху-хото вывозится много бараньихъ кожъ. Послѣднія выдѣлываются тутъ же особымъ способомъ при помощи хлѣба и солонца, отчего получается бѣлый цвѣтъ кожи. Въ этомъ видѣ онѣ снова въ большомъ количествѣ возвращаются назадъ и расходятся среди монголь.

Цѣна на четырехъ и шести-лѣтнихъ овецъ колеблется въ зависимости отъ района скупки и торговыхъ пріемовъ купца. Въ Кяхтинскомъ и Ургинскомъ районѣ цѣна на овцу въ 1910 г. колебалась отъ четырехъ до шести рублей, а въ Улясутайскомъ и Кобдинскомъ—отъ двухъ до четырехъ рублей.

Сбываются овцы съ Урги черезъ Кяхту на Иркутскъ, Читу и Срѣтенскъ, затѣмъ съ Уланкома черезъ Усинское селеніе на Иркутскъ и съ Кошъ-Агача на Бійскъ, Барнаулъ и Томскъ. При переходѣ черезъ границу овцы подвергаются четырехдневному карантину. За страховку съ овцы на карантинъ взимается три коп. и страховая премія назначается въ три рубля. Страховка ягненка—одна копейка.

Для прогона овецъ нѣтъ точно установленныхъ трактовъ, и плата за водопой и выпасы промышленныхъ гуртовъ по монгольскимъ землямъ является рѣдкимъ случаемъ, что способствуетъ здѣсь свободѣ этого промысла.

Передвиженіе стада овецъ, направляемыхъ по Монголіи въ Россію и Китай, совершается такимъ порядкомъ: овцы медленнымъ шагомъ двигаются впередъ, разсыпавшись по трактовому пастбищу; два

или три пастуха даютъ стаду надлежащее направленіе, сидя верхами на лошадяхъ. Впередъ уѣзжаетъ хозяинъ или старшій приказчикъ съ однимъ или двумя рабочими и верблюдомъ, навьюченнымъ палаткой (майханомъ), провизіей, дровами и кухонными принадлежностями. Отъѣхавъ 15—20 верстъ впередъ, разбиваютъ палатку и ожидаютъ прихода пастуховъ со стадомъ. Мѣсто для ночевки стада обыкновенно выбираютъ у водопоя. Переходъ отъ мѣста скупки до рынка сбыта совершается въ два или три мѣсяца, во время котораго овцы хорошо нагуливаются.

Въ 1909 году черезъ Кошъ-Агачъ прошло изъ Монголіи 11.430 штукъ овецъ, на 36.020 рублей.

Черезъ Кяхту въ таможднѣ показана только общая сумма (951.000 руб.) стоимости всѣхъ видовъ скота, прошедшаго черезъ эту тамождню.

Стрижка овецъ продолжается съ мая мѣсяца до середины іюля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, за отсутствіемъ ножницъ, подрунившуюся (т.-е. получившую перехватъ) шерсть просто обираютъ руками. Съ одной овцы получается отъ 1½ до 5 фунтовъ шерсти, болѣе нѣжной, чѣмъ киргизская. Разница въ выводѣ шерсти зависитъ отъ того, что монголь изъ-за боязни холодовъ часто оставляетъ овецъ неостриженными до конца іюля, когда она успѣетъ уже потерять большую половину своей шерсти.

Въ семьѣ монгола шерсть идетъ на изготовленіе чулокъ и кошмы (войлока), а остатокъ поступаетъ въ продажу.

Изготовленіе кошмы производится обыкновенно женщинами, отличается простотой и состоитъ въ томъ, что на кошму, разостланную на землѣ, накладываютъ ровнымъ слоемъ шерсть, взбитую палками, толщиной отъ 1—1½ вершка. Затѣмъ шерсть эту взбрызгиваютъ слегка водою и заворачиваютъ вмѣстѣ съ кошмою на деревянный валъ, который, обвязавъ веревками, катаютъ по ровному мѣсту въ теченіе часа времени. Вслѣдствіе вращенія вала сырая шерсть сваливается, и получается новая кошма.

Кромѣ юрты, кошма идетъ еще на потники подъ сѣдла и на шәр-дэки, т.-е. подстилки на плечи вьючному верблюду. Затѣмъ употребляется иногда вмѣсто брезента для покрышки грузовъ и укупорки нѣкоторыхъ товаровъ.

Въ 1909 году черезъ Кяхту вывезено кошмы на 13,000 руб., а черезъ Кошъ-Агачъ—526 пудовъ, на сумму 4,080 руб.

Центрами по скупкѣ шерсти служатъ Урга, съ ея райономъ, а также Улясутай и Кобдо. Съ Урги шерсть отправляютъ на Кяхту, а съ

Улясутая и Кобдо—на Кошъ-Агачъ, хотя въ послѣднее время бываютъ отправки ея съ Улясутая на Кяхту.

Въ 1909 году черезъ Кошъ-Агачъ было вывезено 88,351 пудъ, на сумму 694,870 руб., а черезъ Кяхту—61,973 пуда на сумму 588.000 руб.

Въ Китай идетъ грязная шерсть, а въ Россію—исключительно мытая. Цѣна на грязную шерсть стояла въ 1910 году отъ 3 руб. 50 коп. до 4 руб. 80 коп. за пудъ; цѣна за чистую 8—10 руб.

Собирается грязная шерсть торговцами до 10—15 сентября по хошунамъ мелкими частями, начиная съ 1½ фунта (по монгольски джинъ *) и въ болѣе крупныхъ партіяхъ передается на мойки, откуда въ чистомъ видѣ поступаетъ уже на рынокъ. Въ одномъ городѣ Кобдо собирается до 30 тысячъ пудовъ мытой шерсти, которую скупаетъ главнымъ образомъ купецъ Ассановъ. Въ Улясутаѣ же скупаютъ грязную шерсть шесть китайскихъ фирмъ.

Для очищенія шерсти отъ грязи въ разныхъ мѣстахъ Монголіи работаетъ болѣе 100 моекъ, принадлежащихъ русскимъ торговцамъ.

Подвозъ шерсти на мойки совершается на телѣгахъ безъ всякой защиты отъ дождя, причемъ шерсть скручивается въ канаты и сворачивается въ круги. Промывается шерсть одной чистой проточной водой.

Стоимость промывки одного пуда колеблется отъ 30 до 70 коп., въ Ургѣ же доходитъ до 1 руб. Поденщики-подростки получаютъ на мойкѣ ½ чая, а взрослые, смотря по работѣ, 1—1½ чая. Если же въ счетъ отработка задается впередъ товаръ, то расчетъ дѣлается иначе, смотря по мѣсту: такъ, за одинъ кирпичъ дзузана монголь долженъ отработать три дня, за далимбу (8 аршинъ, цѣною 1 руб. 20 коп. 1 руб. 50 коп.), данную зимой,—6 дней. Зимой плата задается ⅓ чаемъ, ⅔ товаромъ, харчи монгола, чай хозяина, что на деньги выходитъ 15—20 коп. въ день.

Изъ одного пуда грязной шерсти выходитъ 24—26 фунтовъ чистой. Вымытая шерсть на мойкахъ, за отсутствіемъ надлежащихъ помѣщеній, откладывается подъ открытымъ небомъ, иногда въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ, и подвергается всѣмъ случайностямъ погоды. Замоченная же шерсть прѣветъ и теряетъ свою цѣнность, чѣмъ наноситъ большой ущербъ торговцамъ.

Для перевозокъ мытая шерсть прессуется въ тюки, вѣсомъ въ 3—3½ пуда; перевозка совершается на вьючныхъ верблюдахъ или ло-

---

*) Китайскій джинъ легче монгольскаго на два лана, поэтому при покупкѣ у китайцевъ 100 джиновъ шерсти, приемка считается только за 80 джиновъ.

шадяхъ, а также на телѣгахъ. Въ телѣги монгольскіе возчики запрягаютъ воловъ и яковъ, а русскіе—лошадей.

Отправка мытой шерсти отъ Улясутая до Урги обходится въ 5 ланнѣ (6 руб. 25 коп.) съ верблюда, при нагрузкѣ въ 12 пудовъ.

Отъ Улясутая до Кошъ-Агача 8—9 ланнѣ (10 руб.—11 руб. 25 коп.).

„ „ на Кяхту 8 ланнѣ 5 ценовъ (10 руб. 65 коп.).

„ „ „ Колганъ 8—30 ланнѣ (10 руб.—37 руб. 50 коп.).

Отъ Кобдо до Онгудая, 9 ланнѣ (11 руб. 25 коп.).

„ „ „ Кошъ-Агача 6—7 ланнѣ (8 руб. 50 коп.—8 руб. 75 коп.).

Отъ Кяхты на Верхнеудинскъ, 45 коп. съ пуда.

Шерсть, идущая черезъ Кошъ-Агачъ, перепродается обыкновенно русскими хошунными торговцами въ Бійскѣ въ декабрѣ экспортерамъ.

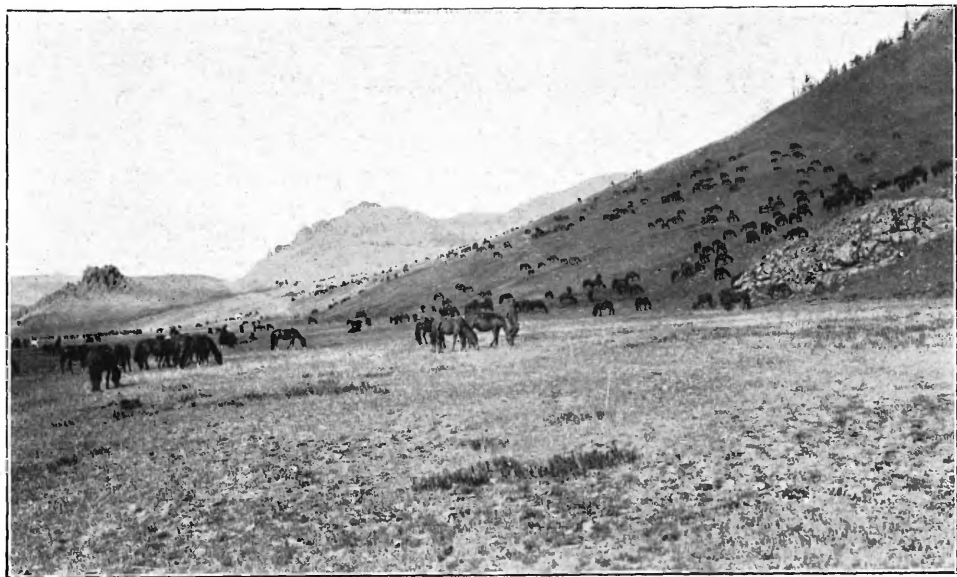
Кромѣ того, большое количество шерсти (не только овечьей, но и верблюжьей) изъ сѣверо-западной Монголіи идетъ на югъ въ Китай и скупается въ Хуху-хото, Пекинѣ, Колганѣ и Долонь-Норѣ. Изъ Хуху-хото направляется въ Тянь-Цзинь, при чемъ перевозка кипы шерсти стоитъ два ланна 80 фынѣ *), но при устройствѣ желѣзной дороги Урга-Колганъ перевозка будетъ стоять въ десять разъ дешевле.

Въ 1910 году изъ Тянь-Цзиня было вывезено 612.500 пуд. шерсти, въ томъ числѣ 94.000 пуд. верблюжьей и 44.000 пуд. козьей, при чемъ крупная партія изъ этой шерсти принадлежала московской фирмѣ, закупившей шерсть въ Ургѣ, и черезъ британскую контору въ Тянь-Цзинѣ была отправлена моремъ въ Россію въ виду болѣе дешевой перевозки такимъ способомъ по сравненію съ доставкой по желѣзной дорогѣ.

Въ заключеніе надо сказать, что монгольская овца, по закаленности своего организма и по своей продуктивности, при отсутствіи за ней почти всякаго ухода со стороны монгольскаго хозяйства, даетъ ему наивысшую пользу. Питаясь часто на скудныхъ пастбищахъ, она принуждена совершать ежедневно для своего насыщенія большіе переходы, что обусловливаетъ прекрасное состояніе ея здоровья и почти полное отсутствіе болѣзней, особенно туберкулеза, такъ часто встрѣчающагося у другихъ видовъ скота; въ результатъ этого мясо и молоко ея являются очень здоровой и питательной пищей. Тѣ же причины обусловливаютъ сильное развитіе мускулатуры, плотную кожу и крѣпкую, преимущественно бѣлую шерсть, могущую служить хорошимъ матеріаломъ для прочныхъ грубыхъ шерстяныхъ тканей.

* Ланнѣ серебра—1 руб. 25 коп., фынѣ— $1\frac{1}{4}$ коп.

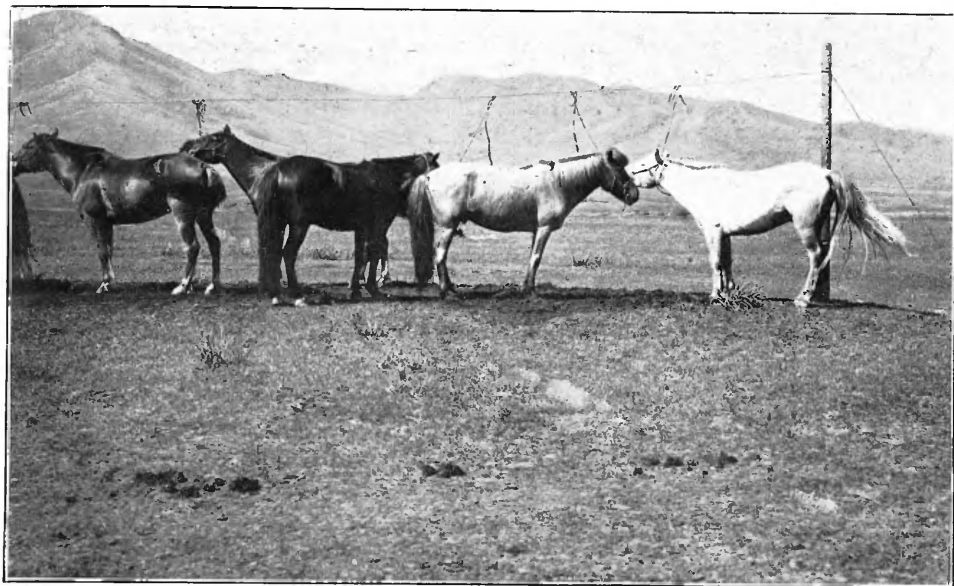

Табунъ лошадей на пастбищѣ.

Монгольскія лошади въ степи.

Лучшіе монгольскіе скакуны.

Монгольскія лошади въ запряжкѣ, при переѣздѣ экспедиціей пустыни Гоби.

Шелковистый же блескъ шерсти позволяет ей легко принимать въ отдѣлкѣ разнообразное окрашиваніе.

При современномъ суровомъ режимѣ этой овцы въ Монголіи нельзя рассчитывать на дальнѣйшее увеличеніе ея продуктивности; но при повышеніи культурности населенія и проявленіи большаго вниманія со стороны послѣдняго къ уходу и содержанію овцы, продуктивность ея можетъ значительно возрасти. Монгольская овца представляетъ собою удивительно благодарный матеріалъ для работъ по развитію продуктивности въ различныхъ направленіяхъ.

Путемъ подбора, ухода и кормленія овца эта можетъ: 1) повысить значительно свою молочность; 2) изъ нея легко выработать спеціальнѣйшій типъ мясной овцы и 3) она не представляетъ затрудненій къ повышенію вѣса ея руна одновременно съ улучшеніемъ его качества.

Монгольская коза имѣетъ много общаго съ разводимой въ Европейской Россіи. Въ хозяйствѣ монголовъ содержится въ значительномъ количествѣ вмѣстѣ съ овцами и по своей продуктивности, уходу и содержанію почти ничѣмъ не отличается отъ послѣднихъ.

Коза.

Монгольскія козы не стригутъ, а вычесываютъ пухъ желѣзнымъ гребнемъ; въ годъ съ одного животнаго можно начесать по три четверти фунта пуха вмѣстѣ съ волосомъ, который перерабатывается затѣмъ въ нитки и идетъ на приготовленіе чулокъ и рукавицъ. Изъ кожь шьютъ одежды, мѣхомъ наружу, и надѣваютъ ихъ поверхъ обыкновенной шубы.

Какъ убойное животное, коза превосходитъ овцу, доставляя болѣе бѣлое мясо; взрослый козель даетъ до двухъ пудовъ мяса и большое количество бѣлаго жира, отлагающагося главнымъ образомъ въ брюшной полости. Доятся козы разъ въ день и даютъ въ годъ до десяти ведеръ жирнаго молока.

Въ 1909 г. въ Россію вывезено чрезъ Кошъ-Агачскую и Кяхтинскую таможи 500 шт. козъ и 232 п. пуха.

Монгольскій рогатый скотъ принадлежитъ къ типу средне-тяжелого животнаго. Ростъ коровы въ холкѣ одинъ аршинъ девять—десять вершковъ, у быковъ доходитъ до одного аршина четырнадцати вершковъ. Спина почти прямая, со слабой вогнутостью, кожа грубая, толстая, шерсть густая и длинная, постановка рогъ и ихъ форма очень разнообразна, цвѣтъ масти преимущественно красный, черный и рябокрасный.

Рогатый
скотъ.

Скотъ этотъ чрезвычайно выносливъ, неприхотливъ въ отношеніи корма и ухода и приученъ къ частымъ голодовкамъ; выносливость его

доведена до изумительныхъ размѣровъ, такъ какъ полжизни животнаго представляетъ собою сплошную тренировку на голодь, холодъ и жажду. Зато онъ прекрасно оплачиваетъ малѣйшій уходъ за собою и съ этой стороны представляетъ изъ себя цѣнный матеріалъ для массоваго улучшения и выработки цѣлесообразныхъ типовъ, особенно мясного и рабочаго. Круглый годъ скотъ находится на подножномъ корму, а такъ какъ онъ съ большимъ трудомъ можетъ добывать себѣ пищу изъ-подъ снѣга, чѣмъ другія животныя, то исхуданіе его за зиму не поддается описанію *).

Сараевъ для скота, въ виду кочевого образа жизни, монголы почти нигдѣ не имѣютъ; если же гдѣ таковыя и существуютъ, то въ очень малыхъ размѣрахъ и устраиваются только на зиму для предохраненія отъ стужи больныхъ животныхъ и маленькихъ.

Подстилка въ такихъ помѣщеніяхъ дается лишь для телятъ и состоитъ изъ сухого аргала, получающагося отъ собраннаго и высушеннаго прошлогодняго навоза. Остальныя животныя стоятъ безъ подстилки на своемъ навозѣ.

Что касается кормленія сѣномъ, то такое примѣняется крайне рѣдко и чаще встрѣчается лишь у ближе живущихъ къ городамъ монголъ. Мѣстное сѣно, особенно степное, очень мелкое, душистое и питательное, благодаря обилію минеральныхъ солей въ почвѣ. Особенно цѣнится сѣно съ большимъ содержаніемъ травы востреца. Встрѣчается также сѣно луговое и болотное. По питательности одна копна востречнаго сѣна равняется двумъ копнамъ лугового и тремъ копнамъ болотнаго. Лучшее сѣно дается обыкновенно телятамъ, среднее—коровамъ, а худшее—гулевому скоту; въ мѣстахъ, гдѣ развито земледѣліе, солома нерѣдко замѣняетъ сѣно, особенно при подкармливаніи гулевого скота.

Для костьбы отводятся мѣста ближе къ рѣкамъ и обставляются вѣхами въ разстояніи пяти—десяти сажень одна отъ другой. Урожай сѣна, а также выборъ мѣста покосовъ зависитъ отъ количества выпадающихъ осадковъ **), въ засушливыя годы площадь покосовъ сокращается, сосредоточиваясь около рѣкъ, тогда какъ въ дождливое лѣто они расширяются за счетъ пастбища. Косить сѣно китайцы начинаютъ

---

*) Императорскія стада содержатся на обширныхъ степяхъ возлѣ города Кобдо. Монастырскія же стада и китайскихъ купцовъ раздаются для содержанія и ухода за ними монголамъ.

**) Около уртона Тыбырту, за переваломъ Замбу, по долину рѣки Этиголь, экспедиція встрѣтила 27 іюля покосы въ 2—3 аршина высоты, состоящіе главнымъ образомъ изъ огуречника, кровохлебки, пырея, чіа и скабіозы.

числа съ 8—10 іюля, а монголы, позднѣе, числа съ 20-го, при чемъ китайцы сѣно свозятъ поближе къ дому, а монголы оставляютъ его всегда на мѣстѣ, складывая въ стога и устраивая около него свои зимовки, куда и подгоняютъ скотъ.

На одной десятинѣ накашиваютъ 30—150 пудовъ сѣна *). Размноженіе скота идетъ исключительно въ количественномъ отношеніи; о подборѣ и улучшеніи никто изъ монголъ понятія не имѣетъ и не заботится, отчего скотъ мельчаетъ и вырождается **).

Коровы пускаются на племя по третьему году, но такъ какъ производитель ходитъ обыкновенно въ стадѣ, то сплошь и рядомъ телятся полуторогодовалыя телки. Теленокъ пользуется молокомъ матери во весь періодъ доенія, т.-е. съ весны до зимы, при чемъ лишь первыя двѣ недѣли получаетъ все молоко, а затѣмъ монголъ начинаетъ понемногу сдаивать корову и употреблять молоко въ пищу, а теленка выгоняетъ на пастбище. Въ случаѣ зимняго отела, корову совершенно не доятъ, оставляя все молоко теленку.

Обычай припускать теленка къ матери во все время ея доенія объясняется монголами тѣмъ, что до тѣхъ поръ, пока корова знаетъ, что дома ждетъ ее теленокъ, она сама идетъ домой; въ противномъ случаѣ стоитъ большого труда загнать ее съ пастбища.

Средній годовой удой коровы около 35 ведеръ при пяти—семи процентахъ жира. Такой высокій процентъ объясняется исключительно достоинствомъ монгольскихъ степныхъ травъ.

Изъ рогатаго скота наиболѣе цѣнятся монголами телята въ возрастѣ отъ шести мѣсяцевъ до одного года, имъ удѣляется наибольшее вниманіе и имъ же раньше всего дается сѣно, если таковое бываетъ запасено.

Въ возрастѣ одного года бычковъ кастрируютъ, оставляя на племя лишь необходимое число производителей отъ лучшихъ коровъ. Мать выбирается по возможности темная, такъ какъ скотъ свѣтлыхъ мастей считается менѣе устойчивымъ противъ холода, кромѣ того производитель долженъ имѣть густую и длинную шерсть, которая давала бы лишнее прикрытіе животному отъ морозовъ.

Сбытъ скота на сторону приурочивается всегда къ осени, чтобы не обременять хозяйства на зиму лишними ртами. Для себя монголъ

---

*) Въ приграничныхъ съ Россіей мѣстахъ Монголіи сѣнокосы арендуются русскими казаками; пудъ сѣна, накошеннаго въ Монголіи, обходится казакамъ при существующей арендѣ 1—2 коп.

**) Въ Ургинскомъ хошунѣ экспедиція встрѣтила швицкій скотъ у Т. И. Прокина.

также рѣжетъ осенью все то количество скота, которое потребно ему на зиму, мясо сохраняется въ замороженномъ видѣ, а оставшееся несѣденнымъ весною вялится на солнцѣ. Лѣтомъ же монголь никогда крупныхъ животныхъ не бьетъ, оставляя ихъ, во-первыхъ, для нагула, а, во-вторыхъ, при постоянныхъ кочевкахъ и отсутствіи ледниковъ ему негдѣ сохранять мясо.

Живой вѣсъ монгольскаго скота 12—30 пудовъ, убойный же въ среднемъ 54—60 процентовъ отъ живого, при чемъ костей отъ убойнаго вѣса получается 20—60 процентовъ, смотря по упитанности животного. Сала съ одного животного получается отъ 25 фунтовъ до одного пуда 15 фунтовъ.

Значительныя партіи скота выгоняются въ Россію изъ трехъ районовъ: Ургинскаго, Улясутайскаго и Кобдинскаго.

Съ Ургинскаго района скоть идетъ: 1) на Иркутскъ черезъ Кяхту и Троицкосавскъ по Купеческому тракту, 2) на Читу черезъ Верхне-Ульхунскій карантинъ, 3) на Срѣтенскъ и Владивостокъ черезъ Такторскій карантинъ. Черезъ городъ Троицкосавскъ ежегодно прогоняется изъ Монголіи около 9,000 головъ скота (и столько же овецъ), а черезъ Верхне-Ульхунскій, Такторскій и Кулустаевскій скотопрогонные пункты—около 8,000 головъ (и до 12.000 овецъ). Часть этого скота расходуется тутъ же по Забайкальской области, а часть, идущая преимущественно черезъ Такторскую заставу, сплавляется на плотяхъ по рѣкѣ Онону на Шилку и дальше на Амуръ *). Съ Улясутайскаго района скоть направляется черезъ Тункинскій карантинъ на Иркутскъ, а частью тоже на Кяхту. Съ Кобдинскаго района идетъ черезъ Кошъ-Агачъ на Бійскъ, Петропавловскъ и Томскъ **).

Скотъ выгоняютъ съ начала весны и не позднѣе августа; быковъ съ коровами не гонятъ. Расходъ по доставкѣ скота на рынки коле-

---

*) Въ Ургинскомъ районѣ скоть скупаютъ главнымъ образомъ купцы-евреи; сретенскіе: Машковичъ и Рабиновичъ съ 1900 года до 3,000 головъ; Соломовичъ и Танхимовичъ съ 1905 года до 3,000 головъ; нерчинскіе: Мордоховичъ и Шмулевскій съ 1908 г. до 1,000 головъ, Садовичъ съ 1905 года до 1,000 головъ; читинскіе: Гоберкинъ и Барановскій съ 1905 года съ 3 до 6 тысячъ головъ; Зозовскій съ 1905 года отъ 3 до 10 тысячъ, Зейскаго склада Апаринъ съ 1908 г. отъ 500 шт. до 1,000.

**) Въ Улясутайскомъ районѣ скупаютъ скоть: Юргаловъ съ 1890 года до 200 штукъ, Бобровъ Г. Г. съ 1890 г. до 1,000 головъ, Бобровъ И. Г. съ 1900 г.—временами и въ небольшомъ количествѣ, Борисовъ съ 1900 года—небольшое количество, братья Мальцевы до 1,000 головъ,—всѣ продаютъ скоть въ Иркутскъ.

Въ Кобдинскомъ районѣ: Асановъ до 2.000 головъ, Кривцевъ до 3,000, Мокинъ до 3,000, Кузнецовъ до 8,000 головъ, Корольковъ, Поповъ и нѣсколько мелкихъ бійскихъ купцовъ на небольшую сумму.

блется отъ шести до восьми рублей съ головы, смотря по разстоянію и по величинѣ выгоняемой партіи *).

Съ 1667 года въ Монголіи не прекращается чума рогатаго скота, уносящая въ мѣстахъ своего появленія до 90% животныхъ. Главными очагами заразы считаются сопредѣльные съ Китаемъ мѣста, откуда чума разносится по всей странѣ слѣдующими съ юга караванами. Во избѣжаніе проникновенія ея въ Россію на русской границѣ устроены карантинны, гдѣ скотъ задерживается въ теченіе 21 дня, а были случаи и до четырехъ мѣсяцевъ. За страховку быка на карантинѣ взимается 1 рубль 10 копеекъ, а за корову—60 копеекъ.

Карантинны не достигаютъ своей цѣли, такъ какъ, во-первыхъ, масса скота проводится въ Россію контрабанднымъ путемъ, а, во-вторыхъ, пограничное русское населеніе, снимая въ аренду покосы и выгоны въ зачумленныхъ мѣстахъ Монголіи, тѣмъ самымъ само заражаетъ свой скотъ. Кромѣ того, въ случаѣ обнаруженія на карантинѣ больныхъ животныхъ, весь гуртъ отгоняютъ обратно на монгольскую границу, чѣмъ зараза распространяется еще дальше. Карантинны губельно вліяютъ на торговлю скотомъ: безъ нихъ купецъ могъ бы сдѣлать два—три оборота, тогда какъ теперь онъ едва успѣваетъ сдѣлать одинъ.

За послѣднее время русское правительство начало командировать въ Монголію ветеринарныхъ врачей для противочумныхъ прививокъ скоту. Мѣра эта вызываетъ полное одобреніе, какъ со стороны монгольскаго населенія, такъ и русскихъ скотопромышленниковъ въ виду того, что привитой скотъ на карантинахъ не задерживается. Но число врачей крайне ограничено, а участки ихъ огромны (до 2,000 верстъ), почему они не въ состояніи удовлетворить требованія всѣхъ скотопромышленниковъ и нанести рѣшительный ударъ дальнѣйшему распространенію чумы.

Цѣна шести—восьмилѣтнему быку въ 1910 году была 50—80 рублей, коровѣ 20—30 рублей, въ общемъ не дороже 2½—3 рублей за пудъ живого вѣса.

Что касается кожъ, то таковыя могутъ быть ввозимы въ Россію только черезъ одинъ пунктъ, именно Кяхту, гдѣ онѣ подвергаются дезинфекціи. Послѣдняя производится простой замочкой въ извести, чѣмъ портится качество кожи и понижается ея цѣнность. Для дезин-

---

*) Отъ Урги до Такторскаго карантинна скотъ идетъ 35 дней 700 верстъ, отъ Такторскаго карантинна до Срѣтенска—25 дней 600 верстъ. Расходъ за прогонъ скота отъ Такторскаго карантинна до Срѣтенска падаетъ на голову до 1-го рубля.

фекціи воловьихъ кожъ устраиваются ямы въ два аршина высоты, четыре длины и четыре ширины, куда кладется до 1,500 воловьихъ (или 750 конскихъ) кожъ. Въ мочкѣ остаются онѣ восемь дней, сохнутъ четыре дня. За дезинфекцію и сушку въ связи съ другими расходами взимается по 29 коп. съ каждой кожи, что считается мѣстными купцами слишкомъ высокой платой. Кожа при среднемъ вѣсѣ 15—18 фунтовъ покупается на мѣстѣ отъ 1 р. 80 к. до 3 р. 60 к. Главнымъ центромъ по скупкѣ кожъ является городъ Урга.

Въ 1909 году въ Россію ввезено скота *) черезъ Кошъ-Агачъ и Кяхту на 987,000 рублей, кожъ—на 23,000 рублей, масла—на 50,000 рублей, сала—9,600 пудовъ.

На югъ въ Китай изъ Халхи выгоняются огромные гурты рогатаго скота, главнымъ образомъ черезъ городъ Хуху-хото, при чемъ въ самомъ Хуху-хото ежегодно для собственнаго потребленія бьется до 40,000 быковъ.

Лошади.

Монгольская лошадь небольшого роста, всего одинъ аршинъ двѣнадцать—пятнадцать вершковъ; но при хорошемъ питаніи въ молодомъ возрастѣ она вырастаетъ значительно больше и доходитъ до двухъ аршинъ двухъ—трехъ вершковъ. Тѣлосложеніе крѣпкое, голова большая, некрасивая, шея короткая, безъ подгривка, грудь очень развитая и широкая, спина прямая, ноги короткія, сильныя, копыта и зубы очень крѣпкія.

Твердо выраженныхъ очертаній, опредѣленнаго типа въ экстерьерѣ ея не наблюдается, а потому она пригодна для самой разнообразной работы.

Такъ, подъ верхомъ она незамѣнима, но можетъ ходить и въ запряжкѣ, при чемъ легко везетъ 20—25 пудовъ, дѣлая переходы по 50 верстѣ и не зная никогда никакойковки. Есть бѣгуны, дѣлающіе безъ отдыха 250 верстѣ.

Характеръ у нея рѣзвый, выносливый и очень нетребовательный въ отношеніи корма и ухода. По сравненію съ другими домашними животными лошади находятся въ несравненно худшихъ условіяхъ **).

---

*) Свѣдѣній за 1909 годъ отъ Главнаго Ветеринарнаго Управленія о прогонѣ скота черезъ другіе пункты не имѣется.

**) Кромѣ частныхъ лицъ громадныя табуны лошадей имѣютъ въ Монголіи Пекинскій Императорскій Дворъ, князья, всѣ монастыри и самъ худухта. Послѣдній отдаетъ свои стада на выпасъ шабинерамъ, за что тѣ пользуются молокомъ и продаютъ въ свою пользу хвосты и конскій волосъ; весь же приплодъ идетъ худухтѣ.

Императорскіе табуны въ большомъ количествѣ были встрѣчены экспедиціей въ мѣстности между Дурга-Нуръ и Бурль-Бодо.

Весь годъ безъ исключенія онѣ проводятъ на подножномъ корму; ни мятель, ни морозъ, ни даже буранъ не даютъ права монгольской лошади на закрытое помѣщеніе и готовый кормъ. Исключеніе составляютъ только больныя животныя. Остальныя всѣ вмѣстѣ, безъ различія пола и возраста, соединяются въ табуны, штукъ до 500 въ каждомъ, при двухъ—трехъ пастухахъ, и угоняются въ степь иногда за сотни верстъ отъ зимнихъ стойбищъ. Около послѣднихъ оставляются лишь дойныя кобылы съ жеребятками и развѣздныя лошади.

Угнанному табуноу въ теченіе всего зимняго періода предоставляется самому отыскивать себѣ средства къ жизни, разгребая копытами снѣгъ.

Всего болѣе лошади любятъ такія мѣста, гдѣ изъ-подъ снѣга торчатъ высокіе сухіе злаки, а самъ снѣгъ рыхлый; ледяная корка на поверхности снѣга не очень вредитъ лошадямъ, но зато корка на поверхности земли и обледенѣлая трава губительно дѣйствуютъ на животныхъ, вызывая страшныя болѣзни и падежи. Еще болѣе опасны для нихъ мятели и бураны, которые обыкновенно бываютъ въ Монголіи ближе къ веснѣ. Во время бурана ослабѣвшій табунъ не выдерживаетъ напора бури, разбѣгается по вѣтру, попадаетъ въ глубокіе овраги и котловины, гдѣ и погибаетъ.

Еще ужаснѣе по своимъ послѣдствіямъ бываетъ гололедица, когда несчастныя лошади не въ состояніи бываютъ пробить толстой ледяной корки, образовавшейся на снѣгу послѣ временной оттепели, и массами погибаютъ отъ голода. Падежъ принимаетъ тогда ужасныя размѣры и приноситъ монгольскому хозяйству страшный ущербъ, превращая вчерашнихъ богачей въ бѣдняковъ. Борьба невозможна, и хозяинъ обреченъ на пассивное созерцаніе того, какъ рушится его благосостояніе; все, что ему остается отъ былого богатства, это—шкуры павшихъ животныхъ, да ихъ мясо, которое поѣдается монголами.

Кромѣ того, громадное количество лошадей, особенно жеребятъ (до 50%), пропадаетъ у монголь отъ волковъ. Въ Монголіи водится специальная ихъ порода, больше обыкновенной, отличающаяся силой и смѣлостью и слѣдующая за табуномъ всюду, куда онъ перекочевываетъ.

Разводятъ монгольскія лошади косячнымъ способомъ. Косякъ составляется весною изъ одного производителя и 10 — 20 кобылицъ съ ихъ приплодомъ; жеребецъ зорко слѣдитъ за своимъ косякомъ, отыскиваетъ лучшія мѣста на пастбѣ и оберегаетъ отъ хищниковъ. Жеребенокъ остается при матери, пока она его не отгонитъ сама, при чемъ часть молока кобыльяго монголь сдаиваетъ для собственнаго употребленія, дѣлая изъ него кумысъ.

Въ возрастѣ трехъ лѣтъ производятъ холощеніе жеребцовъ, а четырехъ лѣтъ начинаютъ употреблять на работу.

Запряжка лошадей крайне простая: кузовъ повозки укрѣпляется на длинныхъ осяхъ футовъ въ восемь; къ каждой оглоблѣ привязаны ремни, въ которые продѣто по длинной поперечной жерди, концы жердей кладутся на сѣдло.

Къ запряжкѣ приспособляютъ уже обѣзжанныхъ подъ верхъ лошадей.

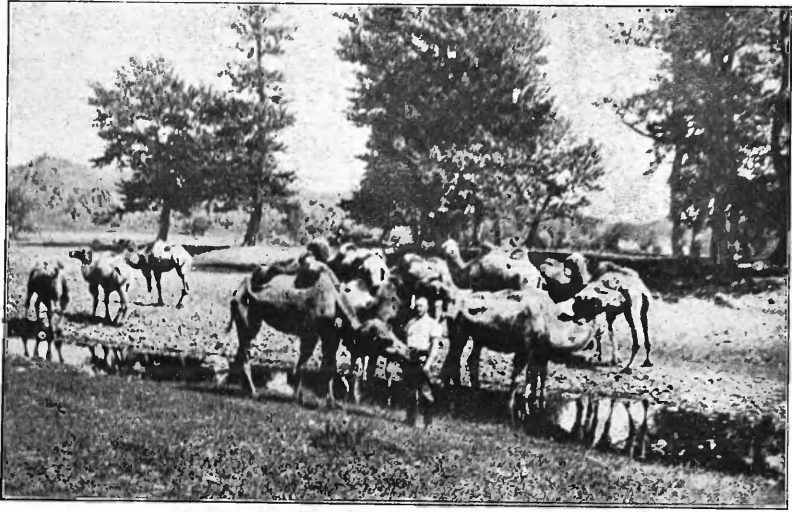
Въ возрастѣ одного года жеребенку въ первый разъ обрѣзаютъ гриву и хвостъ. Затѣмъ стрижка производится одинъ разъ въ два года. Со взрослой лошади получается около шести фунтовъ волоса. Пудъ волоса изъ гривы продается за 4 рубля на мѣстѣ; хвостъ—около 50 копеекъ. Въ хозяйствѣ монгола волосъ идетъ для приготовления веревокъ, вожжей и аркановъ. Цѣна веревки (80 сажень длины) цѣнится одинъ чай. Несмотря на то, что въ Россію ввозится изъ Монголіи гривъ и конскаго волоса до двухъ тысячъ пудовъ, лишь десять процентовъ его остается въ Россіи, а остальное перепродается за границу. Въ послѣднее время требованіе изъ Россіи на конскій волосъ увеличилось для кустарныхъ промысловъ.

Въ 1909 году въ Россію было вывезено гривъ и конскаго волоса 1,820 пудовъ, но монгольскій волосъ хуже по качеству, чѣмъ сибирскій (акмолинскій).

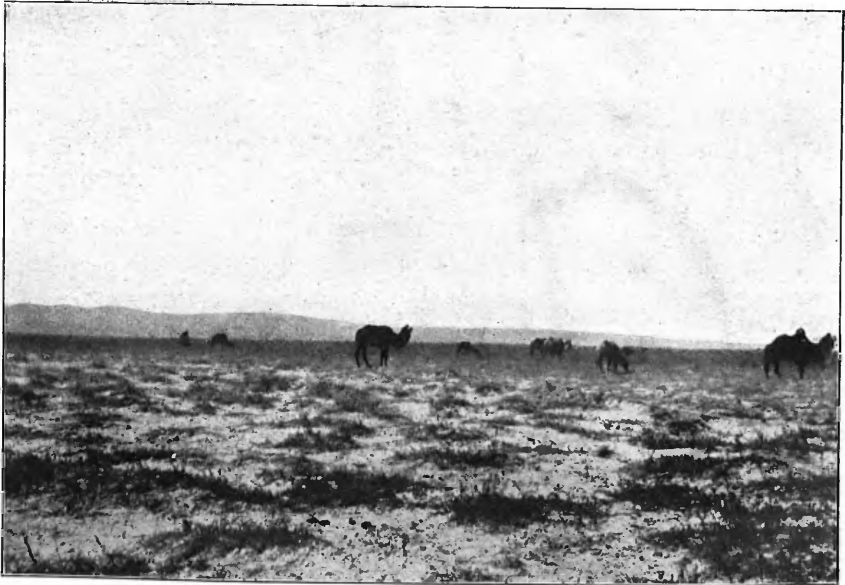
Мясо лошади, даже сапной, монголь ѣстъ наравнѣ съ мясомъ здоровой овцы или рогатаго скота. Обыкновенно же на убой идутъ старыя животныя и яловыя. Средній убойный вѣсъ кобылицы девять—десять пудовъ, а жеребца десять—четырнадцать пудовъ.

Кожа лошади цѣнится на мѣстѣ отъ 1 руб. 80 коп. до 2 руб. 60 копеекъ. Въ 1909 году въ Россію было вывезено конскихъ кожъ 13,500 пудовъ. Цѣны на лошадей держались въ 1910 году отъ 20 до 40 рублей за голову. Главными скупщиками монгольскихъ лошадей являются китайцы, приобретающіе животныхъ у монголь преимущественно за долги, при чемъ лошадь въ возрастѣ отъ четырехъ лѣтъ и старше приходится имъ по цѣнѣ отъ 5 до 15 ланъ (отъ 6 до 18 руб.). Когда же какому-нибудь хошуну требуются деньги для уплаты долговъ китайцамъ, то монголы отдаютъ лошадей русскимъ не дешевле 8 ланъ (10 руб.).

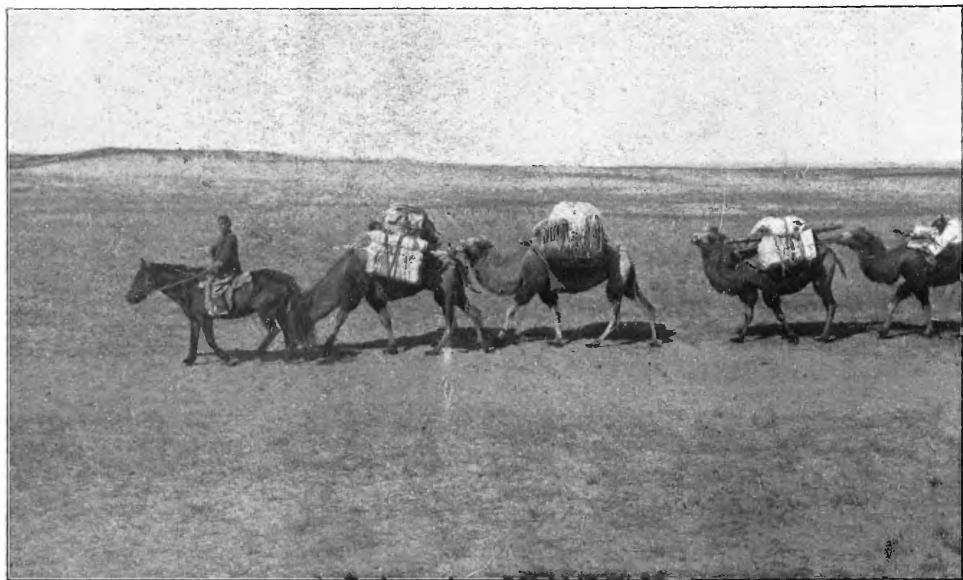
Лошади выгоняются въ наибольшемъ количествѣ въ Хэ-нань и Шань-дунь терезъ Бао-динъ-фу для цѣлей ремонта и перепродаются китайцами вдвое дороже, чѣмъ онѣ имъ достались отъ монголь.

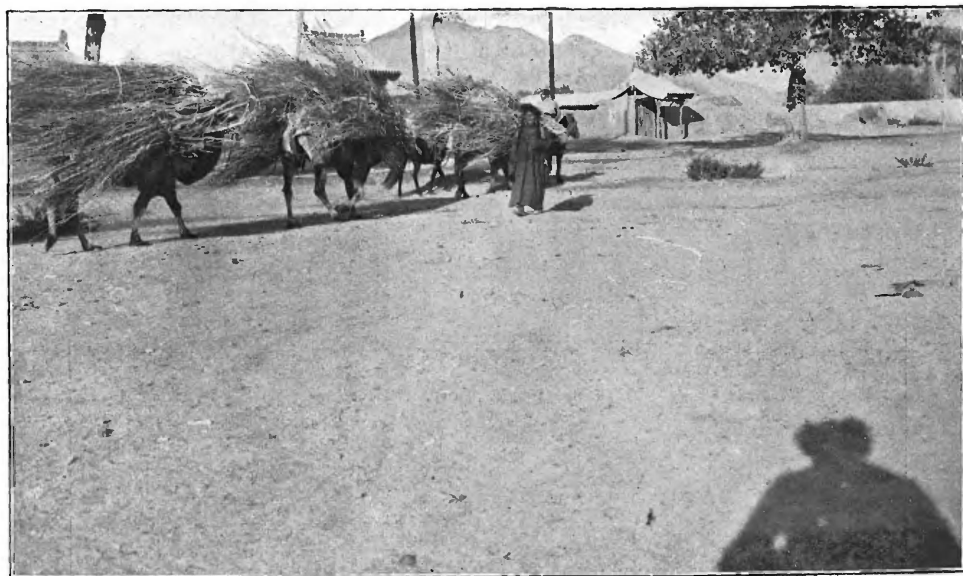
Верблюды Московской экспедиции на берегу р. Селенги.

Верблюды на солончаковых степях в Монголии.

Верблюды подъ выюками.

Перевозка дровъ на верблюдахъ въ г. Кобдо.

Конскіе хвосты и волосъ также въ большомъ количествѣ направляются на югъ въ Китай; однимъ изъ центровъ по скупкѣ ихъ служитъ городъ Хуху-хото, гдѣ наиболѣе крупными фирмами въ этомъ дѣлѣ являются бельгійскія, скупающія и мѣняющія здѣсь монгольское сырье на европейскіе товары.

Въ Монголіи водится главнымъ образомъ двухгорбый верблюдъ. **Верблюдъ.** Разводятъ его преимущественно богатые монголы, у которыхъ онъ встрѣчается иногда въ количествѣ 100 и болѣе головъ.

Въ своемъ хозяйствѣ верблюдъ употребляется монголами во время зимнихъ кочевокъ со скотомъ для перевозки юрты и прочаго инвентаря; кромѣ того служитъ для цѣлей извоза.

Содержится круглый годъ на подножномъ корму, такъ какъ можетъ тебеневать. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ его подкармливаютъ сѣномъ. Ёсть онъ всѣ тѣ виды растений—бурьяны, колючки и пр., которые бракуются другими животными, но больше всего любитъ мѣста, покрытыя травой дерисунъ и полынной растительностью. Пастьба верблюдовъ наиболѣе трудна, такъ какъ требуетъ все время неослабнаго вниманія: при малѣйшемъ испугѣ или бурѣ верблюды бросаются бѣжать и бѣгутъ иногда 40—50 верстъ безъ остановки; поэтому ихъ часто пускаютъ безъ всякаго присмотра, и они уходятъ отъ дома на нѣсколько десятковъ верстъ.

Какъ самцы, такъ и самки пасутся вмѣстѣ; лишь на февраль ихъ разбиваютъ на косяки: на одного самца полагается не болѣе 20 самокъ.

Въ этотъ періодъ самцы-верблюды бываютъ настолько злы, что иногда бросаются на людей и кусаютъ. Въ случку пускаются животные не моложе пяти лѣтъ, при чемъ самка жеребится обыкновенно два раза въ пять лѣтъ. Маленькихъ верблюдовъ берутъ часто на пять или на шесть дней въ юрту, пока они немного окрѣпнутъ на ногахъ, а во время холодовъ ихъ зашиваютъ въ кошму, прорѣзывая въ ней двѣ дырки для горбовъ. Въ этой кошмѣ онъ остается до наступленія теплыхъ дней. Къ матери его подускаютъ три или четыре раза въ день, и пользуется онъ ея молокомъ до полутора лѣтъ.

Благодаря выносливости къ жарѣ, верблюдъ является цѣннымъ и незамѣнимымъ животнымъ для перевозки тяжестей въ пустынѣ.

Приучать къ вьюку начинаютъ его съ трехъ или четырехлѣтняго возраста. Дѣлается это такимъ образомъ: молодого верблюда ловятъ, связываютъ ноги веревкой и валятъ на землю; затѣмъ продѣваютъ черезъ носовой хрящъ деревянную ключку, къ которой съ

правой стороны привязывают ремешокъ (аршина въ два длины). Чтобы ключка не выпадала, на обѣихъ концахъ ея дѣлаются шайбы. Этимъ ремешкомъ, или бурунчукомъ, верблюдъ управляется вмѣсто уздечки. Во время пастбы ключка не вынимается, а лишь ремешокъ закидывается на шею. Затѣмъ приучаютъ верблюда ложиться и вставать по приказанію, дергая бурунчукъ, то вверхъ, то внизъ. Для поворота направо,—дергаютъ направо, а для поворота налево,—кладутъ бурунчукъ на шею и тянутъ влево.

Затѣмъ готовятъ имъ ноги для тяжелой работы, для чего подошву густо намазываютъ смолой и заставляютъ нѣсколько разъ пройти по крупному песку; получается толстая и прочная корка, позволяющая верблуду смѣло ходить по камнямъ пустыни; въ противномъ случаѣ, ноги у него покрываются сплошными ранами.

Подготовивъ такимъ образомъ верблюда, накладываютъ на него сначала небольшія тяжести—всего въ три или четыре пуда.

Лишь съ шестого года онъ считается взрослымъ и ему даютъ уже „очанъ“ (вьюкъ) по 15—18 пудовъ. Идетъ онъ ровно, со скоростью въ среднемъ $4\frac{1}{2}$ версты въ часъ. Осенью дѣлаетъ въ день 40—50 верстъ, а лѣтомъ 50—60 и больше; при длинныхъ переходахъ довольствуется въ день двухчасовымъ отдыхомъ и скудной кормежкой. Работаетъ преимущественно зимою; лѣтомъ же дѣлается малосильнымъ и требуетъ отдыха, во время котораго поправляется и откармливается. На очень хорошемъ верблюдѣ можно ѣхать и лѣтомъ, но такая поѣздка оплачивается гораздо дороже, такъ какъ отдавая измученное на зиму животное опять въ работу, монголъ можетъ или потерять его, или же безповоротно подорвать. Это является тѣмъ болѣе рискованнымъ, что верблюдъ по природѣ своей до послѣдней возможности не поддается усталости, не щадитъ своихъ силъ и тѣмъ легко вводитъ въ заблужденіе. Лишь по окончаніи работы сказывается переутомленіе и всѣ перенесенныя имъ лишенія.

При составленіи каравановъ на одного погонщика полагается 10—15 верблюдовъ. Перваго верблюда погонщикъ обыкновенно ведетъ на поводу, а остальные или идутъ свободно, или же привязываются вереницей одинъ къ другому посредствомъ бурунчука. Привязываютъ ихъ слабо, такъ какъ они часто спотыкаются и въ такомъ случаѣ могутъ разорвать себѣ ноздрю.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ, какъ вьючнаго животного, здѣшній верблюдъ имѣетъ и крупные недостатки, заставляющіе иногда караванъ останавливаться въ дорогѣ совершенно неожиданно. Такъ,

при сильномъ вѣтрѣ, дождѣ и снѣгѣ, особенно если они бьютъ въ лицо, верблюдъ отказывается итти и ложится. То же самое наблюдается въ очень жаркіе дни, когда онъ сильно вспотѣетъ. При переходѣ вбродъ онъ идетъ спокойно только черезъ очень мелкую воду, но едва замочить брюхо, какъ сейчасъ же ложится и тащитъ за собою въ воду сѣдока или кладь. При небольшихъ морозахъ на немъ нельзя переходить рѣкъ, такъ какъ онъ пробиваетъ ледъ ногами, рѣжетъ подошвы и хромаетъ; въ такихъ случаяхъ монголы прорубаютъ ледъ съ одного берега на другой и, дѣлаютъ такимъ образомъ, для верблюда дорогу по дну рѣки. Съ другой стороны при большихъ морозахъ ноги его скользятъ по льду, онъ падаетъ, и приходится дорогу посыпать пескомъ. Точно также съ трудомъ идетъ онъ по каменистому грунту, на которомъ быстро сбиваетъ себѣ ноги, если онѣ не были предварительно вымазаны смолой и пескомъ. Наконецъ, верблюдъ до того пугливъ, что малѣйшій поводъ наводитъ на него смертельный страхъ: онъ бросается въ сторону, забѣгаетъ иногда на нѣсколько верстъ и увлекаетъ за собою весь караванъ.

Эти недостатки заставляютъ часто призадуматься путешественника и остановить свой выборъ не на верблюдѣ, а на лошади, если только не предстоитъ переѣзда черезъ безводныя пространства.

Когда верблюдъ ходитъ въ запряжкѣ, то эта послѣдняя устраивается очень просто: берется родъ деревянной широкой дуги, обматывается кошмой и кладется на шею верблюда, впереди перваго горба. Къ концамъ дуги привязываются веревки, которыя затѣмъ и прикрѣпляются къ санямъ или повозкѣ. Такая запряжка чрезвычайно несложна и быстро можетъ быть надѣта или снята.

Верблюдъ работаетъ у монголовъ до 35—40 лѣтъ и въ этомъ возрастѣ обыкновенно умираетъ естественной смертью. Но иногда при нуждѣ его убиваютъ и мясо употребляютъ въ пищу; мясо его очень невкусное и имѣетъ отталкивающій запахъ. Кромѣ службы вьючнаго животнаго верблюдъ доставляетъ монголу еще густое, жирное и вкусное молоко. Доятъ его три или пять разъ въ день, надаиваютъ всего 15—25 стакановъ, въ годъ до 60 ведеръ. Молоко идетъ въ пищу въ натуральномъ видѣ, или же изъ него приготавливаютъ кумысъ, который вкуснѣе кобыльяго, масло и сыръ.

Шерсть начинаютъ стричь съ двухлѣтняго возраста. Стригутъ обыкновенно въ періодъ линьки, которая характеризуется тѣмъ, что клочки старой шерсти начинаютъ отваливаться сами собой. Нерабочихъ верблюдовъ стригутъ въ половинѣ мая, а рабочихъ—позднѣе, къ

июню мѣсяцу, при чемъ шерсть или ошипываютъ руками, или срѣзаютъ ножомъ, въ рѣдкихъ случаяхъ—ножницами. Послѣ стрижки верблюда въ теченіе двухъ недѣль берегутъ и избѣгаютъ выючить. Шерсти съ одного животнаго получается 20—40 фунтовъ.

Различаютъ нѣсколько сортовъ шерсти.

1) Грубый волосъ, до восьми вершковъ длины, получаемый съ нижней части шеи, гривы, груди и колѣнъ. Всего настригаютъ ея неболѣе пяти фунтовъ; идетъ она на приготовленіе ремней, веревокъ и аркановъ.

2) Свалявшаяся шерсть со спины идетъ на приготовленіе ваты и на выдѣлку сукна.

3) Съ боковъ служитъ для приготовленія низшихъ сортовъ сукна.

4) Брюшная идетъ на изготовленіе одѣялъ и теплой одежды.

Верблюжью шерсть начали скупать раньше всего англичане въ Калганѣ. Впослѣдствіи она пошла на Ургу, Кяхту, а затѣмъ въ западную Сибирь; гдѣ на ирбитской ярмаркѣ на нее былъ большой спросъ. Съ установленіемъ же карантинныхъ на границѣ Россіи былъ сдѣланъ большой подрывъ этой торговлѣ, хотя надлежащихъ результатовъ карантинныя мѣры и не достигли. Будучи стѣснены въ однѣхъ мѣстахъ, грузы съ верблюжьей шерстью, стали направляться контрабандой въ другія и сплавляться на плотахъ по рѣкѣ Чикое и рѣкѣ Селенгѣ, а затѣмъ—на желѣзную дорогу.

Въ настоящее время шерсти въ Россію вывозится довольно много. Въ 1909 году черезъ Кошъ-Агачъ вывезено было 19,588 пудовъ, на сумму 163,575 руб., по цѣнѣ въ среднемъ 8 руб. 25 коп. за пудъ. Большая часть этой шерсти идетъ за границу.

Наибольшее количество верблюдовъ встрѣчается около Улясутая; чѣмъ сѣвернѣе и ближе къ Кяхтѣ, тѣмъ ихъ меньше. Большія стада имѣются у дурбетовъ, затѣмъ много императорскихъ верблюжьихъ стадъ и монастырскихъ, отдаваемыхъ на содержаніе и уходъ окрестнымъ монголамъ на извѣстныхъ условіяхъ; но въ общемъ, по свидѣтельству монголъ, количество верблюдовъ за послѣдніе годы вслѣдствіе измѣненія транспортныхъ путей чая, очень сильно уменьшилось, и тамъ, гдѣ ихъ насчитывали прежде тысячами, остались сотни и десятки.

Якъ. Якъ, или сарлыкъ, является незамѣнимымъ животнымъ для монгола въ суровыхъ условіяхъ климата горныхъ вершинъ Халхи. Гдѣ лошадь, рогатый скотъ, верблюдъ и овца вымерзаютъ,—тамъ якъ водится легко и нерѣдко большими стадами.

Самецъ яка бываетъ ростомъ до двухъ аршинъ; самка яка всего до одного аршина десяти вершковъ. Спина, шея, а особенно грудь и

бока покрыты длинной, густой, слегка волнистой шерстью, напоминающей лошадиный волосъ, и дающей яку хорошую защиту отъ холода. Хвостъ тоже похожъ на лошадиный. Цвѣтъ шерсти черный, темно-бурый, иногда съ бѣлыми пятнами.

Стригутъ яка разъ въ годъ и получаютъ 8—12 фунтовъ волоса, продажная цѣна котораго на 50% выше овечьей шерсти.

Пасутся яки въ одномъ стадѣ съ рогатымъ скотомъ и никакихъ непріязненныхъ отношеній къ себѣ со стороны послѣднихъ не встрѣчаютъ.

Тепла якъ не любитъ, предпочитая оставаться въ тѣни, лежа на снѣгу или сырой землѣ, которую очищаетъ отъ сухого песка копытами. По сравненію съ рогатымъ скотомъ требуетъ за собою несравненно меньше ухода и болѣе простого содержанія, довольствуясь грубымъ кормомъ. Ёсть преимущественно утромъ и передъ вечеромъ, а остальное время проводить въ полуснѣ.

Самки яка доятся монголами наравнѣ съ коровами, при чемъ молоко ихъ содержитъ до 10% жира и отличается тонкимъ, пріятнымъ вкусомъ. Въ удойный періодъ якъ даетъ до 30 ведеръ молока.

Употребляются монголами для перевозки тяжестей въ телѣгахъ, при чемъ запряжка кривѣняется такая же, какъ и для верблюда.

Продажная цѣна яка 20—30 руб.; кожа цѣнится отъ 2 руб. 40 коп. до 3 рублей 60 копеекъ.

Въ пищу мясо яка хотя и употребляется, но при продажѣ въ Россію, вслѣдствіе своихъ плохихъ вкусовыхъ достоинствъ, идетъ преимущественно на приготовленіе колбасъ.

Въ виду торговаго интереса, представляемаго сбытомъ маральихъ роговъ въ Кобдо и Улясутаѣ китайскимъ купцамъ русскими мараловодами, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о разведеніи мараловъ русскими крестьянами въ Усинскомъ краѣ и въ приграничныхъ къ Монголіи губерніяхъ и областяхъ Россіи. Мараль.

Мараль *) превосходитъ обыкновеннаго оленя ростомъ, но имѣетъ болѣе короткій хвостъ и крупные рога съ нѣсколькими отростками, число которыхъ доходитъ до шести или восьми штукъ. Лѣтомъ онъ имѣетъ темный цвѣтъ шерсти, тогда какъ зимою получаетъ болѣе свѣтлую, бѣловатую окраску.

Въ дикомъ видѣ въ Монголіи маралы водятся въ приграничныхъ къ Россіи горахъ, главнымъ образомъ Саянскихъ, гдѣ русскіе марало-

---

*) Мараль по-китайски зовется „лу“ или „ма-лу“; у сойотовъ въ восточномъ Саянѣ—когунъ.

воды ловятъ ихъ для освѣженія крови въ своихъ маральникахъ. Монголы же мараловодствомъ не занимаются, но охотятся въ большомъ количествѣ на дикихъ мараловъ ради ихъ мяса (взрослый мараль вѣситъ 8—12 и изрѣдка до 20 пудовъ) и въ цѣляхъ полученія роговъ.

Для ловли дикихъ мараловъ примѣняется нѣсколько способовъ, изъ которыхъ заганиваніе взрослыхъ животныхъ зимою въ глубокой снѣгъ практикуется охотниками наиболѣе часто, но даетъ огромный процентъ убыли добытыхъ животныхъ, такъ какъ послѣднія не только при этомъ ранятъ себѣ ноги до костей, проваливаясь въ твердый глубокой снѣгъ, но нерѣдко получаютъ вывихи и даже переломы конечностей. Поэтому русскіе мараловоды предпочитаютъ ловить маленькихъ маралятъ, которыхъ затѣмъ вскармливаютъ молокомъ и пускаютъ въ садки.

Необходимымъ условіемъ существованія маральниковъ является наличность лѣса и хорошей ключевой воды; гдѣ послѣдней не имѣется, ее проводятъ посредствомъ арыковъ. Лучшими мѣстами считаются южные склоны горъ, такъ какъ луга на нихъ раньше всего зеленѣютъ. Для прокормленія марала на подножномъ корму съ ранней весны до октября необходимо не менѣе 1½ десятины, сообразуясь съ чѣмъ и устраиваются маральники, величиною отъ десяти до ста и болѣе десятинъ. Огораживаются они заборами вышиною до четырехъ съ половиной аршинъ.

Лѣтомъ маралы питаются исключительно травою, при чемъ особенно любятъ цвѣты. Зимою же для нихъ заготавливается сѣно, въ количествѣ не менѣе 150 пудовъ на голову, а весною подкармливаютъ овсомъ. Кромѣ того имъ необходимо давать соль, безъ которой они страдаютъ даже въ дикомъ состояніи.

Въ послѣднихъ числахъ августа маралы разбиваются на табуны, при чемъ на одного самца полагается 10—12 маралиць. Маленькіе рождаются черезъ девять мѣсяцевъ и остаются при матери до годового возраста. Самка даетъ приплодъ съ двухъ съ половиной лѣтъ и до двѣнадцати; до того же времени сохраняетъ свою производительность и самецъ, хотя доживаетъ нерѣдко до двадцати слишкомъ лѣтъ.

Наибольшій интересъ при разведеніи мараловъ представляютъ ихъ рога, которые носитъ только самецъ, самка же камолая.

Первые рога снимаются на третьемъ году жизни, обыкновенно съ двадцатыхъ чиселъ мая и до августа, т.-е. въ то время, пока они еще покрыты пухомъ, такъ какъ срѣзанные безъ пуха купцами бракуются.

Срѣзываніе роговъ производится двумя способами: первый способ состоитъ въ томъ, что марала загоняютъ въ узкій специально сдѣланный сарайчикъ и, накинувъ ему веревки на ноги, валятъ на землю; затѣмъ съ помощью тѣхъ же веревокъ растягиваютъ животное на землѣ, кладутъ на шею доску и спиливаютъ рога. Способъ этотъ наиболѣе распространенный, но при немъ срѣзываніе роговъ идетъ медленно, животное рвется и теряетъ много крови.

Второй способъ требуетъ устройства специального станка, въ который и загоняется мараль. Срѣзка роговъ происходитъ быстро, операція малоболѣзненна и почти безкровна. Мѣста срѣза затираются сырой землей или просто обматываются тряпкой.

Вѣсъ роговъ различенъ, при чемъ при кормленіи марала овсомъ, вѣсъ роговъ быстро увеличивается.

Первая съемка даетъ отъ 5 до 10 фун. (въ двухъ рогахъ).

Вторая	„	„	„	6	„	12	„
Третья	„	„	„	8	„	15	„
Четвертая	„	„	„	10	„	20	„
Пятая	„	„	„	12	„	22	„
Шестая	„	„	„	14	„	24	„
Седьмая	„	„	„	15	„	25	„
Восьмая	„	„	„	16	„	32	„
Девятая	„	„	„	17	„	34	„ и болѣе
Десятая	„	„	„	14	„	25	„

Такимъ образомъ, съ десятой съемки, т.-е. въ возрастѣ двѣнадцать лѣтъ, животное становится менѣ продуктивнымъ.

Наиболѣе цѣнятся свѣжіе, только-что снятые молодые рога; покрытые же сморщенной сухой кожей (перезрѣлые) въ цѣнѣ много теряютъ, а иногда даже и совершенно бракуются купцами. Въ виду того, что въ свѣжемъ видѣ не всегда представляется возможность ихъ продать, приходится прибѣгать къ консервированію роговъ. Для этого ихъ варятъ въ водѣ или чаѣ съ солью (на 30 ведерный котель кладутъ 1 пудъ соли), затѣмъ вѣшаютъ для просушки подъ навѣсомъ срѣзанными концами вверхъ, чтобы менѣ вытекала кровь. Послѣдняя тщательно собирается и употребляется мѣстными жителями противъ желудочной боли и при продажѣ идетъ отъ шести до восьми рублей за фунтъ. Сушатся рога не менѣ двухъ недѣль, сильно при этомъ усыхая, и чѣмъ больше была усушка, тѣмъ дороже они оцѣниваются. Хорошій двадцатифунтовый рогъ послѣ просушки вѣситъ всего восемь—

девять фунтовъ. У кочевниковъ обыкновенно нѣтъ возможности высушивать рога должнымъ образомъ; послѣдніе загниваютъ, пересыхаютъ и получаютъ болѣе низкой добротности.

Скупаются рога русскими и китайскими купцами, но продаются исключительно китайцамъ, такъ какъ китайскій рынокъ является единственнымъ въ мірѣ для этого товара.

Въ Китаѣ маральи рога примѣняются въ медицинѣ при различныхъ болѣзняхъ. Передъ употребленіемъ рога намачиваютъ въ винѣ изъ проса 12 дней. Затѣмъ сушатъ на солнцѣ, пока высохнутъ, потомъ опять настаиваютъ въ винѣ изъ проса, опять сушатъ и такъ до пяти—семи разъ, пока рога сдѣлаются мягкими. Тогда рѣжутъ мелкими кусочками, сушатъ въ печкѣ въ теченіе сутокъ и толкутъ въ порошокъ. Послѣдній пьютъ съ виномъ изъ проса или соленой водой съ виномъ въ количествѣ не болѣе полузолотника. Чѣмъ человѣкъ здоровѣе, тѣмъ порція меньше. Наибольшее примѣненіе находитъ въ жаркихъ и сырыхъ мѣстахъ въ теченіе іюня, іюля и частью августа. Здоровому человѣку онъ вреденъ, и при употребленіи идетъ кровь носомъ.

Цѣна за маральи рога различна. Скупщики платятъ за нихъ шесть—десять рублей за фунтъ и перепродаютъ китайскимъ купцамъ вдвое дороже. Послѣдніе отправляютъ рога главнымъ образомъ въ городъ Сикхоу—300 верстъ отъ Калгана. Отсюда рога направляются въ Хуху-хото, Нанси, на югъ Китая, въ аптеки. Въ Китаѣ рога цѣнятся отъ 25 до 100 рублей за фунтъ.

Русскіе купцы, работающіе въ Монголіи, главнымъ образомъ Асановъ, Кузнецовъ, Копыловъ и Поповъ, скупаютъ рога у русскихъ крестьянъ и сдаютъ ихъ китайцамъ подъ шерсть будущаго года.

Изъ кяхтинскихъ фирмъ въ Кобдо скупаютъ рога китайскія фирмы Юнъ-жи-чинъ, Индо-куй и Сошендо, кромѣ того нѣсколько мелкихъ пекинскихъ торговцевъ.

Въ 1909 году черезъ Кошъ-Агачскую таможенную было ввезено въ Монголію 119 пудовъ 37½ фунтовъ маральихъ роговъ на сумму 42,590 рублей.

Г. М. Морозовъ.

Къ развитію и укрѣпленію торгово-экономическаго и политическаго вліянія Россіи въ Монголіи.

Русскіе купцы всегда были проводниками идеи мирнаго сближенія съ сосѣдними намъ государствами и народами на почвѣ экономическихъ интересовъ. Эта идея красной нитью проходитъ въ сношеніяхъ